Живописное Обозрѣніе

№ 41. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 13 Октября 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ. Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Изъ дневника.

Стих. **Ал. Круглова.**

I.

Я говорилъ тебѣ: «онъ жалкій, пошлый фатъ...»
Моимъ словамъ тогда ты не хотѣла вѣрить;
Мнѣ цѣли не было съ тобою лицемѣрить:
Я говорилъ тебѣ, какъ близкій другъ и братъ.
Ты поняла не такъ. Отвѣтъ твой мнѣ былъ сухъ,
Ты въ клеветѣ меня едва не обвинила...
Мой юный другъ, мой бѣдный юный другъ,
Жизнь предсказанія сурово подтвердила.
Но не подумай ты, что торжествую я,
Узнавши, что мои сбылися предсказанья;
Не можетъ радости быть въ сердцѣ у меня,
Когда болитъ твое, исполнено страданья.
Я говорилъ тебѣ... но—самъ свидѣтель Богъ!
Я не хранилъ въ душѣ недобраго желанья...
Полжизни-бъ отдалъ я, когда бы только могъ
Цѣной ея спасти тебя отъ испытанья.

II.

Я не забылъ... всю жизнь я не забуду
Ея очей, чарующихъ очей;
Люблю ее... всю жизнь любить я буду
И до конца останусь вѣренъ ей.
А можетъ быть, отвѣтъ она согласьемъ
И вмѣстѣ въ путь тогда со мной пойдя,—
Теперь я самъ бы тяготился счастьемъ
И ужъ любовь погасла бы въ груди!

III.

Я къ невзгодамъ привыкъ, закалился въ борьбѣ;
Все, что въ силахъ моихъ,—все то дамъ я тебѣ!
Не отвѣсть мнѣ рукою собравшихся тучъ
Застилающихъ днемъ солнца радостный лучъ;
Но отъ страшной грозы, безгранично любя,
Я собой заслоню и укрою тебя.
Много пропастей, камней, и рвовъ на пути,
И по немъ не поранивши ногъ не пройдти;
Но я ноги твои отъ укола спасу:
Черезъ камни и рвы я тебя пронесу.
Днемъ томительнымъ въ тѣнь я укрою тебя,
Въ скорбный часъ усладитъ нѣжно пѣсня моя;
Въ ночь тебя не коснется ни дождь, ни вьюга,
Буду чутко твой сонъ сторожить отъ врага!
Все, что свѣтлаго въ жизни есть,—дамъ я тебѣ,
И возьму всѣ невзгоды, всѣ скорби—себѣ!

Простой романъ.

Повѣсть **А. Федорова.**

(Окончаніе.)

IV.

Прошло послѣ свадьбы Татьяны почти два года. Жизнь ея текла такъ спокойно, такъ счастливо, что лучшаго нечего было и желать. Кузьма Трофимычъ оказался отличнымъ человѣкомъ, жалѣлъ жену и работалъ, кажется, еще больше прежняго. Татьяна тоже не сидѣла, сложа руки: цѣлыми днями стирала бѣлье и много зарабатывала помимо мужа. Зато трудно было узнать въ этой полной, веселой женщинѣ, всегда одѣтой очень опрятно, а по праздникамъ даже и нарядно, ту самую худенькую Таньку, что мерзла на улицѣ въ плохенькомъ, коротенькомъ бурнуснкѣ, ожидая Сергѣя. Квартиру свою она держала въ порядкѣ. Обѣдъ мужу подавался во время.

Кузьма Трофимычъ только объ одномъ вздыхалъ: не посылалъ имъ Господь дѣтокъ! Да и сама Татьяна не прочь была имѣть хоть одного пискуна.

— Все веселѣе, какъ есть для кого работать, передавала она свои думы черноглазой Полѣ, угощая ее славнымъ кофе съ густыми сливками,—и знаешь что? говорила она въ припадкѣ откровенности: ужъ, кажись, было не ахти-какое житье на прачешной, а, ей-Богу, вспоминаешь, жалѣючи. Тамъ хоть жисть была: помнишь, какъ доставалось мнѣ отъ Акули?

И при этомъ воспоминаніи добродушное лице Татьяны весело улыбалось.

Только объ одномъ не упоминали онѣ—о Сергѣѣ.

Нѣсколько разъ прошлую осень встрѣчала его Поля, но они не говорили другъ съ другомъ.

«Зналъ-ли Сергѣй, что Татьяна замужемъ?» всякій разъ думала Поля послѣ своихъ свиданій съ подругой.

Татьяна, кажется, совсѣмъ забыла объ его существованіи, точно онъ давно умеръ, какъ вдругъ она совершенно нечаянно столкнулась съ нимъ.

Была суббота. Она шла по Морской съ корзиною чистаго бѣлья, а онъ выходилъ со двора какого-то дома. Въ первую минуту Сергѣй не узналъ ее, такъ измѣнилась, пополнѣла и похорошѣла его бывшая знакомая. Онъ совершенно растерялся и не замѣтилъ, куда она скрылась. Прождавъ ее нѣсколько минутъ понапрасно, онъ рѣшилъ, что она могла выйдти въ другія ворота, и вернулся прямо къ себѣ на квартиру, не заходя даже въ трактиръ.

Эта встрѣча съ Сергѣемъ не произвела впечатлѣнія на Татьяну. Ей было даже пріятно показать ему, что она, не смотря на его измѣну, живетъ припѣваючи. Весь этотъ день она была какъ-то особенно весела и ласкова съ мужемъ и только вечеромъ, когда она ложилась спать, ей почему-то сдѣлалось грустно, будто чего-то жаль... Чего? Она и сама не знала.

Прошло недѣли три.

Былъ канунъ Петрова дня. Татьяна весь день работала, не покладая рукъ. По случаю предстоявшаго праздника комната была прибрана чище обыкновеннаго. Полъ такъ и блистѣлъ.

Самоваръ и кастрюли были симетрично разставлены на полкѣ у двери и сама хозяйка, вся запыхавшаяся, укладывала въ корзинку выглаженное бѣлье.

— Непремѣнно, какъ отнесу это господамъ, такъ оттуда пройду ко всенощной, громко размышляла она и затѣмъ достала изъ шкафа свое красное шерстяное въ клѣточку платье, чистый воротничекъ, манжеты и начала одѣваться.

Послышались тяжелые шаги мужа. Татьяна повязала на голову платочекъ съ голубыми разводами и начала напяливать бумажныя перчатки, когда супругъ вошелъ въ комнату.

— Кузьма Трофимычъ, кофейникъ на плитѣ, объявила она ему второпяхъ,—и сливки въ горшечкѣ тамъ же. Я отнесу господамъ Манковскимъ бѣлье и за одно зайду къ Исакію, все равно мимо надо идти. Смотри, не забудь къ вечеру самоваръ поставить, за булкою сходить, кричала она, сходя съ лѣстницы.

Всенощная давно началась, когда Татьяна вошла въ церковь. Нечего было и думать о томъ, чтобъ протолкаться впередъ. Пройдя направо, она остановилась поближе къ образу Божьей Матери и усердно начала класть поклоны. Громкій хоръ пѣвчихъ кудревато выводилъ: «Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти». Усердно молилась молодая женщина. На душѣ у нея давно не было такъ хорошо и покойно. За эту недѣлю она заработала довольно много денегъ и мечтала купить себѣ шляпку и зонтикъ. Лѣтомъ было такъ весело по праздникамъ гулять съ Кузьмой Трофимычемъ за городомъ, а также уѣзжать куда-нибудь подальше въ длинномъ, трясскомъ, биткомъ набитомъ дилижансѣ:

— Господи, буде милостивъ мя грѣшной! крестясь, говорила она, вспомнивъ, что теперь за всенощной совсѣмъ не время думать о шляпкѣ.

Кончилась служба. Толпой валилъ народъ въ широко открытыя двери храма—«Должно быть, поздно», подумала Татьяна, проталкиваясь къ выходу. Вдругъ она почувствовала, что кто-то схватилъ ее за руку. Знакомый, когда-то дорогой голосъ прошепталъ надъ самымъ ухомъ:

— Мое почтеніе; какъ изволите поживать?

Татьяна даже вздрогнула, такъ испугалъ ее этотъ голосъ. Давно минувшее и забытое чувство поднялось со дна души, тревожно заставляя

сердце биться. Отвѣта на неожиданный привѣтъ не находилось и, молча, торопливо старалась она выбраться на паперть.

— Татьяна Васильевна, чтой-то больно спѣсива стала? шепталъ неотвязчивый голосъ:—Али мужъ въ страхѣ держитъ? друзей старыхъ велитъ по шапкѣ гнать?

— У меня нѣтъ друзей, сухо, точно опомнившись отвѣчала молодая женщина.—Чего пристали? Проваливайте!

Но Сергѣй и не думалъ отставать отъ своей бывшей подруги. Ея полное, румяное лице, красивое платье, даже перчатки, пришлись ему какъ нельзя больше по вкусу.

— Таня, касатка моя! дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ онъ, выбравшись на паперть и схвативъ ея руку. — Не отстать мнѣ отъ тебя! Почитай, два года не видались, а забыть тебя не въ моготу. Видно, на роду намъ написано всю жисть вмѣстѣ путаться. Видно, чортъ веревочкой связалъ!

Долго говорилъ Сергѣй въ темномъ, опустѣломъ углу паперти, съ каждымъ словомъ все ближе и ближе придвигая свою красивую съ густыми кудрями голову къ ея лицу и волнуя ей сердце воспоминаніями прошлаго. Ихъ встрѣчи, разговоры, ласки — все это оживало въ ея памяти. Все дальше и дальше уходилъ образъ Кузьмы Трофимыча съ его добродушной усмѣшкой и спокойнымъ ничѣмъ не возмутимымъ нравомъ.

Сама не помня какъ, Татьяна очутилась въ ближайшемъ трактирѣ со своимъ бывшимъ другомъ и когда Сергѣй довелъ ее до угла той улицы, гдѣ была ихъ квартира, было уже не рано...

Кузьма Трофимычъ, утомившись ожиданіемъ, сладко спалъ на высоко взбитомъ пуховикѣ. Его храпъ раздавался на всю комнату. Самоваръ давно пересталъ шипѣть; потухшій стоялъ онъ на столѣ, а рядомъ съ пустою, верхъ дномъ опрокинутою чашкою, лежала булка, купленная заботливымъ хозяиномъ. Тихо раздѣлась Татьяна раскидавъ по комнатѣ вещи. Такая небрежность не входила въ ея привычки. Мужъ ея любилъ аккуратность, но сегодня ей было не до того, чтобъ помнить его вкусы и приказы.

На другое утро, вставъ по случаю праздника позднѣе обыкновеннаго, Татьяна нашла уже комнату и вещи прибранными. Густой паръ валилъ изъ большого кофейника. Кузьма Трофимычъ все приготовилъ самъ, не будя жену ради гулевого дня.

— Гдѣ это ты вчера пропадала, Татьяна? спросилъ онъ ее, наливая кофе на блюдечко и усердно дуя въ него.—Я думалъ, что случилось, хотѣлъ ужь идтить къ господамъ Манковскимъ узнать, не засидѣлась-ли ты съ ихъ горничною?

— Очень нужно, не маленькая, не пропаду! угрюмо отвѣчала ему жена. — Къ кумѣ Дарьѣ зашла и просидѣла тамъ долго, проговорила она, отвертываясь къ комоду и стараясь скрыть смущеніе.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Весь день Кузьма Трофимычъ оставался дома, нечего было и думать о томъ, чтобъ уйдти куда либо одной. Татьянѣ не сидѣлось на мѣстѣ, каждую минуту выбѣгала она то за тѣмъ, то за другимъ на крыльцо, на улицу, сердито придираясь къ мужу и вызывая его на ссору.

Съ того дня пошла у нихъ разладица. Съ каждымъ часомъ дѣлалась Татьяна сварливѣе, придирчивѣе и безтолковѣе, она совсѣмъ иначе стала глядѣть на свѣтъ Божій. Вотъ и сегодня, вернувшись съ Мойки, гдѣ цѣлый день полоскала бѣлье, она весь вечеръ упорно хмурится и молчитъ, не смотря на то, что Кузьма Трофимычъ довольно веселъ, по случаю выгодной работы.

— Ты, кажись, сегодня белены объѣлась? съ усмѣшкой спрашивалъ онъ жену, барабаня пальцами о край стола,—позвольте узнать, почему въ разстройствѣ находитесь? мало кофейку что-ли кушали? Али поругались на плоту съ кумою?

— Чего мнѣ ругаться? не тебя дѣлить! проворчала Татьяна, накрывая салфеткою столъ и приготовляя все къ ужину. — Видишь, устала, за цѣлый-то день намаешься въ волю, руки отъ стирки перетрескались! Живутъ же люди, прости Господи! безъ заботъ. Сыты, обуты, все у нихъ есть, не то, что я, каторжная, всю жизть мозоли тру!

— Эхъ, Татьяна, не гнѣви Бога, грѣхъ тебѣ! Чего еще надо? Горя ты не видала, вотъ что! Кабы мужъ пьяный пришелъ али бы полюбовницу на сторонѣ завелъ, запѣла бы ты пѣтухомъ. Я-ль тебя не жалѣю? Совсѣмъ отъ рукъ баба отбилась, вамъ, дурамъ, дай только волю, вы пойдете чудить!.. и не дождидаясь возраженій, Кузьма Трофимычъ подвинулъ къ себѣ горшокъ съ только что вынутыми изъ печи щами и, молча, принялся за ужинъ.

Татьяна такъ и не присѣла къ столу. Весь день промучилась она сомнѣніями и, проклиная въ душѣ встрѣчу съ Сергѣемъ, тосковала по немъ. Ей было жаль Кузьму Трофимыча, она знала, что онъ любилъ ее, никогда со дня замужества не видала она его грознаго взгляда, не слыхала браннаго слова отъ него, дѣлала все, что хотѣла, и если не любила его такъ, какъ Сергѣя, то все таки привыкла къ нему. Онъ такъ баловалъ, наряжалъ ее и своимъ тихимъ нравомъ и ласковостью привязалъ бы къ себѣ непремѣнно, не случись этой несчастной встрѣчи съ Сергѣемъ.

Кузьма Трофимычъ, поужинавъ и помолясь Богу, вздумалъ было приласкать жену и, подойдя къ ней, хотѣлъ обнять свою «разлапушку», но въ эту минуту Татьяна положительно не была въ расположеніи отвѣчать на подобное супружеское заигрыванье и, хлопнувъ его по рукѣ, сердито закричала:—Отстань! чего присталъ, видишь, не до тебя! Опротивѣли мнѣ твои ласки...

Но удивленный полный укора взглядъ невольно заставилъ ее замолчать и, остановившись на полусловѣ, она тихо, не глядя на мужа, отошла къ кровати и начала приготовлять постель.

Кузьма Трофимычъ цѣлыхъ два дня ходилъ угрюмый, не заговаривая съ женой.

Но въ эти два дня Татьяна нѣсколько разъ встрѣчалась съ Сергѣемъ и, благодаря этимъ свиданіямъ, не замѣчала гнѣва своего мужа. Она ждала съ нетерпѣніемъ, чтобъ онъ ушелъ на работу, потому что тогда ей можно было тотчасъ же отправляться къ Сергѣю.

Обыкновенно они условливались встрѣтиться гдѣ-нибудь въ ближайшемъ саду или скверѣ и въ назначенный часъ Татьяна, не оглядываясь, какъ будто боясь погони, торопливо шла къ мѣсту свиданія, шурша туго накрахмаленными юбками, и, вся раскраснѣвшаяся, улыбающаяся, подходила къ своему возлюбленному.

Черезъ нѣсколько минутъ ихъ можно было встрѣтить, ѣдущихъ на извощикѣ куда-нибудь въ трактиръ или на гулянье прокучивать деньги, тяжело нажитыя Кузьмою Трофимычемъ. Нечего и говорить, что все, что зарабатывалось Татьяною, тоже переходило въ карманъ Сергѣя. Заработки эти становились день ото дня ничтожнѣе. Вѣчно занятая думою, какъ бы встрѣтиться съ своимъ любовникомъ, порою мучимая угрызеніями совѣсти, Татьяна дѣлалась день ото дня небрежнѣе къ работѣ, мыкалась безъ толку и только объ одномъ и помышляла, какъ бы удрать къ Сергѣю. Комнату совсѣмъ перестала убирать; вездѣ соръ, грязь, пыль, безпорядокъ. Уйдетъ стирать или полоскать бѣлье и до самаго вечера пропадаетъ. Нерѣдко приходилось Кузьмѣ Трофимычу даже и безъ обѣда оставаться; жена его все болѣе и болѣе погружалась въ тину разврата, изъ котораго, кажется, не было возможности выбраться.

Однажды, встрѣтивъ Сергѣя гдѣ-то на улицѣ съ франтовато одѣтою женщиной, Татьяна отъ ревности чуть не вцѣпилась ему въ глаза. Цѣлую недѣлю она не выходила изъ дому и такъ была ласкова и внимательна къ своему хозяину, что Кузьма Трофимычъ не могъ надивиться этой перемѣнѣ въ женѣ, замѣтилъ даже, что она, должно быть, нездорова—по цѣлымъ днямъ ничего не ѣстъ, съ тѣла спала и нравомъ такая чудная сдѣлалась, то вдругъ хохочетъ ни съ того ни съ сего, то задумается и слова отъ нея не вышибешь.

Дѣло въ томъ, что какъ не велика была ея страсть къ Сергѣю, а все же порой она жалѣла, что встрѣтилась съ нимъ. Жалѣла то состояніе полнѣйшаго спокойствія и довольства, которымъ наслаждалась до его появленія... Въ эти минуты даже Кузьма Трофимычъ казался ей милъ. Ему она обязана была такимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, о которомъ ей никогда и во снѣ не снилось на казенной прачешной, отъ Сергѣя же кромѣ горя и стыда ничего не предвидѣлось.—Смерти нѣтъ на такихъ лѣшихъ, думалось ей тогда,—провалъ его совсѣмъ возьми!

Однако вдоволь нагулявшись съ горничною того дома, гдѣ онъ работалъ, и, истративъ съ ней всѣ деньги, Сергѣй вспомнилъ о Татьянѣ и, сунувъ пятакъ мальчугану, служащему въ ближайшей мелочной, онъ всенепремѣнно наказалъ отдать письмо супругѣ Кузьмы Трофимыча во время отсутствія послѣдняго.

Куда дѣлась твердая рѣшимость Татьяны не поддаваться искушенію. Правда, что и письмо было пречувствительное и прекудреватое, одинъ Сергѣй умѣлъ писать такія письма.

— Куда это ты? спрашивалъ ее въ этотъ же вечеръ мужъ, вернувшись домой по случаю нездоровья ранѣе обыкновеннаго.

— Я сейчасъ, Кузьма Трофимычъ, только въ лавочку за хлѣбомъ, пробормотала она, впопыхахъ накидывая на себя кофточку.

Но это «сейчасъ» продлилось болѣе двухъ часовъ и когда она, наконецъ, вернулась домой, то мужъ, встрѣтилъ ее бранью и задалъ ей такую потасовку, какой трудно было ожидать отъ такого смирнаго и тихаго человѣка.

Расходилась рука у Кузьмы Трофимыча. Потасовки начали повторяться все чаще и чаще, и Татьяна относилась къ нимъ съ такимъ равнодушіемъ и такъ раздражала его дерзкими словами и выходками, что можно было подумать, что глупая баба сама напрашивается на побои.

Дѣло въ томъ, что побои эти имѣли свою пріятность—они заглушали въ ея душѣ голосъ совѣсти и возбуждали желаніе отомстить и досадить мучителю мужу. Съ каждымъ днемъ дѣлалась Татьяна изворотливѣе и нахальнѣе. Объ ея связи съ Сергѣемъ Кузьма Трофимычъ не подозрѣвалъ, такъ ловко умѣла она хоронить концы въ воду. Ссоры выходили у нихъ изъ за ея безпорядочности, лѣни и небрежливости.

— Куда это ты только деньги дѣваешь? спрашивалъ онъ у нея однажды къ концу лѣта. Дѣло было вечеромъ, Татьяна только что вернулась домой, весь день она проболталась, ничего не дѣлая. Большой узелъ грязнаго чужого бѣлья, валялся въ углу комнаты.

— Нешто я деньги ѣмъ? Выходятъ на дѣло, я почемъ знаю, равнодушно проговорила она.

— Какъ не знаешь? Бывало, всякій мѣсяцъ на книжку въ кассу клали, а таперича такъ скоро придется выбирать, что накоплено трудами. Обновъ я тоже на тебѣ не вижу, да и вещей нѣтъ. Гдѣ платокъ и сережки, что подарилъ на именины? Смотри, Татьяна! дошутишься ты у меня. Узнаю что, убью! слышишь-ли ты это! проговорилъ Кузьма Трофимычъ порывисто, схвативъ стаканъ со стола и пуская имъ въ жену.

Татьяна нагнула голову, стаканъ на этотъ разъ пролетѣлъ мимо. За послѣднее время ей было

такъ тяжко, что и смерть не казалась страшна Свиданія съ Сергѣемъ только мучили ее. Она ревновала его ко всѣмъ! Каждый день придумывала, какъ бы повидаться съ нимъ. Она готова была голодать, мерзнуть, отдать послѣднее, только бы провести съ нимъ часъ или даже нѣсколько минутъ. Сидя съ нимъ въ трактирѣ за стаканомъ пива или вина, она все забывала. Ей было хорошо. Тогда даже и самъ Кузьма Трофимычъ и его угрозы были не страшны.

Минутами Татьяна впадала въ такую непроходимую тоску, что мѣста нигдѣ не могла себѣ найдти. Послѣднее время такія минуты начали находить на нее очень часто. Съ Сергѣемъ предстояла разлука, онъ долженъ былъ уѣхать въ деревню на зиму. Всѣ деньги и вещи она давно перетаскала ему. Оставалось только сто двадцать рублей на книжкѣ въ сберегательной кассѣ, онъ и къ этимъ деньгамъ началъ подбираться.

— Не могу, Сережа, не могу, лучше не проси, умоляла она его.—Мужъ убьетъ, ей Богу, убьетъ! На мое имя положено, да деньги-то его. Ты не думай, что онъ тихій, какъ взойдетъ въ ярость, хуже звѣря!

— Да я вѣдь не на вѣкъ прошу, дура ты! разсердился Сергѣй. — Вотъ пріѣду въ деревню, справлюсь, вышлю назадъ. Тогда и внесешь, ничего и не узнаетъ.

Цѣлую недѣлю ухаживалъ онъ за ней изъ-за этихъ денегъ. Возилъ кататься, ласкалъ... кажется, никогда не видала она его такимъ, какъ теперь и, наконецъ, довелъ-таки до того, что она вытащила книжку изъ комода и пошла въ кассу.

Сергѣй поджидалъ ее на углу улицы и, сосчитавъ деньги, даже языкомъ прищелкнулъ отъ удовольствія, усаживая свою красотку на извощика.

— Въ Московскій! молодцовато обхвативъ подругу, закричалъ онъ, ухмыляясь, возницѣ.

Въ концѣ той же недѣли, Кузьма Трофимычъ вздумалъ снести на книжку десять рублей, полученные за заказную работу.

— Тамъ, по крайности, цѣлы будутъ, а дома живо ухнутъ, ворчалъ онъ, угрюмо посматривая на жену. — Завтра же пойду. Да цѣла-ли у тебя книжка-то?

У Татьяны ноги подкосились отъ страха. Она схватилась за край стола, боясь упасть.

Улучивъ удобную минуточку, побѣжала она къ Сергѣю въ надеждѣ кое-какъ выпутаться изъ бѣды.

— Э-ка, хватилась когда! посмѣялась ей квартирная хозяйка. — Да онъ еще вчера, какъ отъ тебя вернулся, такъ заплатилъ за фатеру и харчи, уложилъ вещи, да чѣмъ свѣтъ и укатилъ въ деревню. Что, проглядѣла дружка? засмѣялась она, хлопая молодую женщину по плечу.

Шатаясь, точно пьяная, вернулась Татьяна домой.

— Что дѣлать? Господи, что дѣлать! обобралъ, кинулъ! вертѣлось въ ея головѣ.—Какъ я скажу Кузьмѣ Трофимычу? убьетъ онъ меня, побѣлѣвшими губами шептала она, спотыкаясь на каждомъ шагу и путаясь въ вещахъ, безпорядочно раскинутыхъ по комнатѣ.

— Гдѣ это ты, мать моя, пропадала? проговорилъ надъ самымъ ея ухомъ знакомый голосъ сосѣдки.—А твой-то безъ тебя! ругался, ругался, ишь какъ вещи-то перевернулъ всѣ верхъ дномъ! Все книжку какую-то искалъ. И маленькіе сѣренькіе глазки сосѣдки пытливо устремились на разстроенное лицо Татьяны.

— Ужь онъ тутъ оралъ, оралъ, продолжала она,—я хотѣла было войдти, узнать, въ чемъ дѣло, да побоялась сунуться. Кажись, была бы ты дома, такъ убилъ бы тебя, я, говоритъ, ей покажу! будетъ она меня знать! Такъ раздѣмшись, почитай, и выскочилъ на улицу; видать, побѣжалъ тебя искать...

Татьяна безсильно опустилась на стулъ. Отъѣздъ Сергѣя, угрозы мужа, его брань, книжка, все это путалось, перемѣшивалось у нея въ головѣ.

И вдругъ ей почему-то вспомнилось, какъ, бывало, еще въ казнѣ, ея подруга Поля, въ минуты тоски, говаривала:

— Чего тамъ! семь смертей не бывать, а одной не миновать. Тошно жить человѣку, такъ и не живи, кто велитъ?

«А вѣдь Поля правду говорила, даромъ что въ шутку», встрепенулась Татьяна.

И, какъ бы опасаясь раздумья, она поспѣшно схватила первый попавшійся подъ руку платокъ, накинула его на себя и, не оглядываясь, выбѣжала изъ дому.

Куда бѣжала Татьяна? Вотъ она миновала двѣ улицы, не замѣчая грязи и шагая прямо въ лужи. Ей хотѣлось скорѣе на эту прачешную, гдѣ она провела годы, которые принято почему-то называть самыми свѣтлыми, самыми счастливыми годами въ человѣческой жизни, и гдѣ имъ всѣмъ, несчастнымъ, покинутымъ сиротамъ, было такъ холодно, одиноко и непривѣтливо. Давно не заглядывала туда Татьяна. Съ тѣхъ поръ, какъ у нея былъ свой теплый уголъ, высокое, обширное казенное зданіе не представляло ничего привлекательнаго и перестало казаться ей родиной.

Но сегодня ее непреодолимо потянуло туда.

V.

На дворѣ моросило, наступалъ вечеръ. Въ ожиданіи звонка на казенной прачешной оставалось немного работницъ.

— Скоро шесть часовъ! слышался голосъ Ананія, уходившаго домой.

Все бѣлье было выжато. Только дежурная Марья стояла еще у ящика со связкою ключей въ рукахъ. Сегодня была ея очередь скатывать съ ящиковъ грязную воду и мыло, а также запирать прачешную.

— Ей вы, скоро-ли? кричала она двумъ работникамъ, копошившимся у желѣзнаго ящика подъема.

— Готово! послѣдній подъемъ подымаемъ, прокричали они ей.

— Молодцы! молодцы! не уходите! я пойду на чердакъ положу въ ящикъ грязные узлы, а вы потомъ спустите. Завтра надо ихъ въ стирку!

— У дьяволы! до поздней ночи держатъ, раздалось въ отвѣтъ.

Прачешная опустѣла, даже и дежурная куда-то скрылась, соскучившись стоять у дверей.

Пелагея побѣжала на чердакъ накладывать простыни въ ящикъ.

— Маша, Маша! кричала она дежурной, я иду на верхъ класть узлы на подъемъ, а ты, какъ я закричу: готово! спусти ящикъ.

— Ладно, уснешь тутъ, тебя ждавши, проворчала толстая Марья.

И, переваливаясь съ боку на бокъ, она вышла къ подъѣзду.

Не успѣла Пелагея закричать: «готово!» какъ подъемъ быстро началъ спускаться и вдругъ послышался странный крикъ, а затѣмъ неистовый вопль Марьи, на который сбѣжалась вся прачешная.

При свѣтѣ газа еле виднѣлось на холодномъ асфальтѣ тѣло окрававленной женщины. Голова ея была пробита до мозговъ и лицо до того обезображено, что трудно было узнать въ ней красивую Татьяну...

Боже мой! какъ горевалъ Кузьма Трофимычъ, какъ плакалъ на похоронахъ жены. Многочисленныя кумушки, утѣшавшія его, положительно не знали, что и дѣлать.

— Вы, Кузьма Трофимычъ, совсѣмъ изведете себя! качая головой, говорила ему ихъ сосѣдка, та самая, которая такъ услужливо предупредила Татьяну о гнѣвѣ мужа.—На все воля Божья! Видать такая линія нашла. За послѣднее время наша покойница совсѣмъ измѣнилась, точно обвелъ ее кто! и при этомъ кумушка глубоко вздыхала.

Но Кузьма Трофимычъ и слушать ничего не хотѣлъ. Совѣсть мучила его. Развѣ не онъ довелъ Татьяну до самоубійства побоями и бранью? Давно-ли пугалъ онъ угрозой убить ее? Ну вотъ, она, не дожидаясь смерти отъ его руки, сама кинулась подъ машину!

Дни шли за днями, печаль не унималась. Кузьма Трофимычъ все вздыхалъ, да хмурился, сидѣлъ больше одинъ, а придетъ кто, сейчасъ про покойницу рѣчь заводитъ, и въ мысляхъ своихъ и разговорахъ все къ тому времени ворочается, когда они жили ладно и любовно, когда Татьяна была ласковая, веселая, работящая.

За послѣднее время она много измѣнилась, это правда,—вѣрно, отъ болѣзни какой-нибудь скрытной, кто ее знаетъ! Бываетъ это, день на день не походитъ и отъ человѣка нельзя требовать, чтобъ всегда въ одномъ духѣ и расположеніи находился.

Тоска по женѣ не мѣшала Кузьмѣ Трофимычу работать и наживать деньгу, напротивъ того, усерднѣе прежняго исполнялъ онъ заказы. Умный, обстоятельный человѣкъ былъ Кузьма Трофимычъ, на такое малодушество, какъ вино, напримѣръ, или гульба съ непутнымъ народомъ, даже съ горя по женѣ не поддавался. А можетъ, не разъ тянуло его къ рюмочкѣ, въ которой, люди говорятъ, всякая печаль, всякое раздумье затопить можно.

— Такому человѣку только женатымъ быть, толковали между собою кумушки, съ наслажденіемъ размышляя о томъ днѣ, когда можно будетъ приступить къ неутѣшному вдовцу съ свадебнымъ предложеніемъ.

Но до такого дня было далеко. Кузьма Трофимычъ и не помышлялъ о женитьбѣ, съ каждымъ днемъ память умершей дѣлалась ему милѣе и дороже. Онъ заказалъ изъ первыхъ заработанныхъ денегъ красивый крестъ на ея могилу и, не взирая на намеки родственниковъ и кумушекъ, не разставался съ вещами, оставшимися послѣ нея.

— Не грѣхъ бы вамъ, Кузьма Трофимычъ, и родныхъ вспомнить, говорила однажды кума Дарья,—куда вамъ эту трехоль беречь? Опять же и вещи пересмотрѣть надо, мало-ли у нея всякихъ приборовъ было! Шубу и куцавейку, что въ запрошломъ году дѣлали, совсѣмъ моль подточитъ. Не въ моготу вамъ самому заняться эфтимъ дѣломъ, зачѣмъ себя неволить, скажите слово, я для васъ не откажусь все въ порядокъ привести.

Нѣтъ, Кузьма Трофимычъ не могъ дозволить чужимъ рукамъ рыться въ комодѣ его жены. Онъ лучше самъ какъ-нибудь соберется и разберетъ все по порядку: старенькія вещи и вправду можно отдать бѣднымъ, мало-ли ихъ здѣсь въ домѣ! Ну, а что получше, отослать роднымъ въ деревню. Куму Дарью тоже кое-чѣмъ надѣлить надо.

Все неотвязчивѣе дѣлались просьбы кумы отдать ей хоть теплую куцавейку на память о покойной. Приставанья эти до того надоѣли машинисту, что онъ рѣшился на свободѣ перебрать вещи и навсегда покончить съ докучливыми попрошайками.

День былъ праздничный; возвратясь отъ обѣдни, Кузьма Трофимычъ наскоро пообѣдалъ, напился чаю и принялся за разборку вещей. Съ каждой бездѣлкой, вынимаемой имъ изъ комода, образъ покойной все ярче и ярче вставалъ передъ нимъ. Аккуратно, по порядку, раскладывалъ онъ тряпочки, ленточки, пуговки, платья, бѣлье. Вынувъ все до послѣдней ниточки, Кузьма Трофимычъ не могъ опомниться отъ удивленія, столько не доставало вещей!

Гдѣ же шубка, серьги, шаль? гдѣ то шелковое лиловое платье, которое онъ купилъ ей къ Пасхѣ? Все оставшееся было до того истрепано, заношено, что нельзя ихъ было назвать вещами.

Куда могла дѣвать она свои красные наряды? Будь у нея любовникъ, это было бы понятно, но развѣ онъ не зналъ своей Татьяны, развѣ онъ могъ сомнѣваться въ ней! Она всегда была такая правдивая, честная... Никогда не забудетъ онъ тотъ день, когда, еще живши въ казнѣ, она разсказала ему о Сергѣѣ. Другая бы вышла замужъ, не говоря мужу ни слова, а Татьяна сама ему во всемъ призналась...

Кто знаетъ, можетъ быть, она, передъ тѣмъ какъ задумать о смерти, раздала все, что получше своимъ подругамъ, она такъ любила нѣкоторыхъ изъ нихъ! Какъ часто бѣгали онѣ къ ней, никогда не отпускала она ихъ, не накормивъ, не напоивъ кофе. Бѣдныя! онѣ такъ рѣдко видятъ что хорошее, порядкомъ таки голодаютъ онѣ тамъ, а ужь о нарядахъ нечего и говорить: не на что имъ пріобрѣсти ихъ. За рубль или два цѣлый мѣсяцъ приходится работать, а молодость беретъ свое, надоѣстъ все носить казенныя въ клѣточку платья, надоѣстъ выслушивать отъ проходящихъ названіе «полосатокъ». Захочется когда погулять въ чемъ и получше... Вотъ это голубое платье, его первый подарокъ невѣстѣ. Какое оно тогда выглядѣло хорошенькое, какъ красива казалась въ немъ Татьяна! теперь оно совсѣмъ изношено, подолъ весь обтрепанъ, все въ пятнахъ. Нѣтъ, думалъ Кузьма Трофимычъ, это платье онъ никому не отдастъ, пусть никто кромѣ его Татьяны не надѣваетъ его, въ немъ она вѣнчалась...

И, встряхивая смятую юбку, онъ съ умиленіемъ вспоминалъ прошедшее. Дорогое, милое! Складывая платье, ему показалось, что въ карманѣ что-то зазвенѣло. Онъ опустилъ руку и къ удивленію своему вытащилъ нѣсколько мѣдныхъ пуговицъ и скомканное, истертое письмо.—Что бы это значило? подумалъ Кузьма Трофимычъ съ любопытствомъ развертывая его. И долго, долго не могъ онъ вѣрить глазамъ! а между тѣмъ большія каракули такъ ясно и четко говорили!

«Любезный ангелъ, душечка Таня!

«Цѣльную недѣлю прождалъ я васъ понапрасну, выходя къ александринскому саду. Такое ваше поведеніе довольно даже жестоко и я очинно эфтимъ обиженъ, до того даже скучаю, что сдѣлался нездоровъ и въ тоскѣ ожидаю отвѣта. Неужли-жъ вы могли сумлеваться въ моихъ чувствахъ къ вамъ и дозволить себѣ дойдти до жестокосердія такое мнѣ принести огорченіе? Милая Таня, прошу я тебя эту дурь кинуть! я всепепремѣнно ожи»...»

Что было далѣе, Кузьма Трофимычъ хорошенько не разобралъ.

Скомканный въ судорожно сжатой рукѣ листочекъ полетѣлъ въ уголъ, а самъ хозяинъ дома, накинувъ пальто и взявъ картузъ, закатился на весь день въ трактиръ.

Благодѣтельные винные пары заглушили его безъисходную тоску, съ успѣхомъ потоплялъ онъ въ нихъ свое горе и съ каждымъ днемъ память о женѣ и о прошлой жизни уходила все дальше и дальше. Теперь Кузьму Трофимыча нельзя больше ставить въ примѣръ товарищамъ, какъ честнаго, искустнаго и трезваго мастера, онъ сталъ вести такую же жизнь, какъ и всѣ.

Желтые листья.

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Листья осенніе,
Вѣтромъ гонимые,
Вы мнѣ напомнили
Грёзы любимыя.

Жизненной бурею
Злобной, жестокою,
Тяжкой печалію,
Мукой глубокою

Грёзы разсѣяны
Въ сторону дальнюю,
Грустью развѣяны—
Грустью печальною.

Желтые, хрупкіе
Листья осенніе,
Вы мнѣ напомнили
Жизни мученіе,
Злобно убившее
Грёзы счастливыя,
Людямъ оставивъ лишь
Думы тоскливыя.

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе.*)

XVI.

Черемисы.

НАРОДЫ РОССІИ.

Оленные и осѣдлые коряки.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

Одно изъ наиболѣе способныхъ племенъ Поволжья, черемисы, упоминаемые еще Несторомъ, рѣзко раздѣляются на горныхъ и луговыхъ, т. е. на живущихъ по правому и по лѣвому берегу великой русской рѣки. Всѣхъ черемисъ считается до 200,000, изъ нихъ 90,000 живутъ въ казанской, остальные въ самарской, вятской, оренбургской губ. Луговые черемисы ведутъ жалкую, бѣдную, грязную жизнь, питаясь преимущественно лѣсными промыслами, охотой, пчеловодствомъ; горные же — земледѣльцы, они сильно обрусѣли и между ними много грамотныхъ. Большая часть черемисъ считается христіанами, но въ жизни ихъ язычество еще держится почти такъ же сильно, какъ и у чувашъ. Верховный богъ ихъ—олицетвореніе неба,—Юма, У Юмы на небѣ отличная изба и такъ много всякаго добра, что самый богатый человѣкъ передъ нимъ—нищій. У него огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ, когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, такъ передняго конца длинной вереницы давно уже не видишь, а задній еще не вытянулся изъ небесныхъ хлѣвовъ. Юма со всей семьей постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Онъ такъ занятъ этой работой и собой, что долго не обращалъ на людей рѣшительно никакого вниманія и не имѣлъ къ землѣ ни малѣйшаго отношенія. Вотъ одна легенда, показывающая, какъ началась связь Юмы съ землею.

У Юмы была дочь прекрасная, а жениховъ на небѣ не было; были одни только ангелы. Богъ былъ работящій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скоту нужно было спускаться на землю. Богъ и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, раскинетъ войлокъ, чтобы онъ доставалъ до земли, и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: «дохъ, дохъ, дохъ!» — и лошади спускаются. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: «тируна, тируна!»—спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: «ста, ста, ста!»—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: «Батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой; я отпасла скотину! — и богъ опять отворяетъ небо, спускаетъ войлочекъ и она влѣзаетъ на небо, а потомъ кричитъ скотину. Дочь божія пасла, пасла скотину, ходила, хо-

дили, а жениховъ все нѣтъ. Разъ спустилась она на землю и увидѣла молодца; поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ она учила жениха: «Смотри, у меня отецъ-то богъ, онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей и меня увези, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ-нибудь на колъ. Онъ увидитъ этотъ платокъ, тутъ и будетъ меня искать; не найдетъ и скажетъ: «умерла». Такъ и сдѣлалось. Чрезъ два года они пришли къ отцу и сказали ему всю правду. Помирились и на мировой былъ большой пиръ. Приданаго богъ далъ много. Съ этихъ поръ богъ и сталъ знакомъ людямъ. Этому верховному богу подчинены второстепенные—русскій, чувашскій и т. д. Въ одной легендѣ разсказывается, какъ Юма судилъ этихъ боговъ. Когда Юма потребовалъ къ себѣ на судъ всѣхъ боговъ, русскій богъ явился первымъ, оправдался и сложилъ всю вину на другихъ; за нимъ явился татарскій богъ, тоже оправдался и т. д. Вина осталась за черемисскимъ богомъ, а онъ не хотѣлъ и идти къ Юмѣ, потому что не зачѣмъ, не виноватъ. Юма страшно на него разгнѣвался, прогналъ съ неба и велѣлъ ему жить въ лѣсу. Такъ лѣсъ и сдѣлался его жилищемъ. Въ послѣднее время русскій богъ и отсюда сталъ его вытѣснять, да еще не совсѣмъ вытѣснилъ. Послѣ Юмы черемисы особенно чтутъ бога-скотодателя, или коровьяго бога. Моленье ему обыкновенно происходитъ, когда во дворѣ отелится корова.

НАРОДЫ РОССІИ

Татары томской губерніи.
Рѣзано на деревѣ въ «**Варшавской политипажнѣ**».

Послѣ этого цѣлыя пятеро сутокъ собираютъ коровье молоко для общаго пира съ сосѣдями и знакомыми. Предъ началомъ пиршества хозяинъ уходитъ въ чуланъ и возвращается оттуда съ ковшомъ воды, часть воды отливаетъ къ печкѣ, моля божество, чтобы теленокъ выросъ съ печку величиной; потомъ плещетъ ею на присутствующихъ, причитая, чтобы божество дало коровѣ побольше молока и чтобы она не была суха. Послѣ возліянія приносятъ въ жертву короводателя кашу съ коровьимъ масломъ; при этомъ ему молятся, чтобы онъ далъ столько скота, сколько у коровы шерсти, чтобы одинъ конецъ стада былъ въ оврагѣ, а другой еще въ кардѣ (сараѣ). Во главѣ злыхъ духовъ стоитъ Кереметь, причиняющій болѣзни и всякое зло. Онъ сушитъ хлѣбъ на поляхъ, разгоняетъ пчелъ изъ ульевъ, не даетъ имъ меду, заставляетъ плутать по лѣсу дровосѣка и звѣролова, разгоняетъ у послѣдняго дичь, не даетъ ловить рыбу рыбаку, тащитъ его въ воду, портитъ и моритъ домашній скотъ и т. д. Боги нуждаются въ жертвахъ. Имъ нужна пища всякаго рода: пиво, вино, одежды, скотина, лошади для ѣзды и пр. Боги грустятъ теперь и жалуются, что распространяется невѣріе въ нихъ и оскудѣли имъ жертвы. Они начали нуждаться въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Одинъ черемисинъ видѣлъ самъ во снѣ, какъ у одного изъ юмъ кони отъѣздили себѣ всѣ ноги по колѣни, а новыхъ коней никто не приноситъ въ жертву; между тѣмъ поѣздки у боговъ частыя и дальнія—гдѣ нужно поправить, гдѣ подсобить, гдѣ наказать кого-нибудь, и вездѣ нужны свои глаза. Когда долго не бываетъ дождя или случится что-нибудь другое въ этомъ родѣ, черемисы говорятъ, что у котораго-нибудь юмы коней нѣтъ, всѣ израсходовались или ноги себѣ исшаркали до половины, что, слѣдовательно, нужно ему принести жертву изъ коней. И черемисъ жертвуетъ богамъ ежедневно; кромѣ частныхъ жертвоприношеній бываютъ еще и торжественно-общественныя. Вотъ какъ описываетъ одинъ наблюдатель моленіе, совершаемое при этомъ жрецомъ (картомъ). «Поднеся чашу ко рту, картъ при мертвой тишинѣ на распѣвъ началъ негромко молитву, не сводя съ пива глазъ и немного наклонивъ голову; остальные шопотомъ ему вторили:

«Господи, благослови!

«Кто тебѣ, богу, жертву принесъ, тому, о Господи, благополучія и здравія дай!»

«Родившимся дѣтямъ въ деньгахъ, въ хлѣбѣ, въ пчелахъ, въ скотѣ счастья дай!»

«Царскія подати заплатить, Боже, помоги и счастья дай!»

Картъ помолчалъ нѣсколько секундъ, произнеся эти молитвы, потомъ отъ лица бога, до котораго, по его мнѣнію, успѣли уже дойдти эти молитвы, произнесъ: «пуамъ, пуамъ!» (даю, даю!) и отвѣдалъ пиво въ знакъ того, что онъ уже вкушаетъ дарованныя богомъ блага. «Рахматъ, Юмо, сай рахматъ (благодарю, Господи, очень благодарю)!» произноситъ онъ послѣ этого. Остальные тоже отвѣдали пива и воздали благодарность Юмѣ. Картъ помѣнялся съ другими поочередно своей чашкой и отвѣдалъ изъ каждой пива. Потомъ онъ отлилъ часть пива изъ своей чашки въ кадку; тоже сдѣлали и другіе. Чашки долили; снова картъ всталъ въ прежнюю позу и началъ вторую молитву:

«Господи, благослови! Тройныя за товаръ деньги взять, Боже, счастье дай! Пчелы пусть на слѣдующій годъ рой пустятъ, а рой когда пустятъ, медъ продать выгодно, Боже, дай! Въ звѣриной ловлѣ, Боже, счастье дай».

Затѣмъ вновь перерывъ, опять «пуамъ», «рахматъ» съ отвѣдываніемъ и отливаніемъ въ кадку пива. Чашки снова наполнили. Только что картъ хотѣлъ начать третью молитву, откуда ни взялась собака и прямо прорвалась подъ столъ. Черемисы оцѣпенѣли... Собака очевидно забралась въ надеждѣ поживиться трапезой, полагая, что идутъ поминки, но она ошиблась. Суевѣрные черемисы вообразили, что собака лѣзетъ подъ столъ не даромъ, должно быть она видитъ тѣнь умершаго сродника и хочетъ его прогнать. Забравшись подъ столъ, собака смирно тамъ прилегла. Но черемисы скоро опомнились: хозяинъ первый бросился подъ столъ, схватилъ собаку за ногу и вытащилъ оттуда, несмотря на ея жалобный вой, поднявшій волосы дыбомъ у самыхъ смѣлыхъ черемисъ. Пинками выпроводили собаку въ дверь и заперли дверь на крючекъ. Не скоро однако всѣ опомнились. Картъ дрожащимъ голосомъ началъ третью молитву:

«Господи, благослови!

«На большой дорогѣ отъ злого человѣка, отъ лютой болѣзни, отъ дурного человѣка, отъ руки злодѣйской, отъ языка злого, Господи, помилуй.

«Трехъ сортовъ скотину по тремъ дорогамъ выгнать покоги; скотину эту отъ глубокой грязи, отъ медвѣдя, отъ волка, отъ вора-человѣка, Боже, избавь!»

«Эту скотину чтобы одной рукой продать, другой деньги взять, Боже, даруй!»

Въ третій разъ отпиваніе изъ чашекъ, «пуамъ» и «рахматъ». Настала пауза. Хозяинъ взялъ хлѣбъ, провелъ по немъ крестообразно ножемъ, отрѣзалъ тоненькую краюшку и отложилъ ее въ сторону, потомъ отрѣзалъ ломоть и другой. Оба эти ломтя картъ разломалъ на мелкіе куски, взялъ одинъ себѣ, посолилъ его и пустилъ въ свою чашку; отломилъ кусочекъ, опять посолилъ и пустилъ въ кадку. Другіе повторили это. Потомъ картъ, а за нимъ остальные взяли чашки въ руки; картъ произнесъ послѣднюю молитву:

«Господи, благослови!

«Какъ хмѣль пушится и полонъ, такъ мнѣ жить счастье дай!»

«Свѣча какъ ярко горитъ, такъ мнѣ жить даруй и счастья дай!»

«Вѣрнаго друга, пошли, Боже!»

«Подай, подай, Боже!»

Картъ помолчалъ, потомъ отъ лица бога, какъ и прежде, произнесъ: «пуамъ, пуамъ» (даю, даю!) Снова, уже въ четвертый разъ, отвѣдали пива, съѣли по кусочку хлѣба и произнесли «рахматъ». Всѣ отлили понемногу пива въ кадку, такъ чтобы туда попало по кусочку хлѣба и передали свои чашки присутствующимъ. Всѣ глотали понемногу пива, ловили крошечный кусочекъ хлѣба и потомъ передавали другъ другу чашки, набожно произнося: «Помоги, Боже, пошли, Господи!»

Чашки обошли всѣхъ. Хозяйка достала буракъ (тусъ), отлила туда часть моленнаго и освященнаго уже пива и унесла припрятать. На все пригодится моленное пиво, оно можетъ и болѣзнь даже прогнать.

Всѣ почувствовали, что исполнили свой долгъ, помолились, какъ должно по старой вѣрѣ, и разомъ измѣнилась грязная избушка: все заколыхалось, заговорило, загудѣло. Черемисы закурили свои чилимки, сняли шапки, чтобы освѣжить вспотѣвшія головы. Даже картъ снялъ свой лохматый малахай, въ которомъ онъ читалъ молитвы. Черемисинъ суевѣренъ не менѣе чувашинина, онъ боится и Юмы, и Кереметя, и шайтановъ, и покойниковъ. Страхъ передъ покойниками выражается во всѣхъ похоронныхъ обрядахъ, поэтому черемисинъ, если у него кто-нибудь умретъ, старается хоронить покойника тотчасъ же; принужденный держать покойника три дня послѣ смерти, онъ его постарается упрятать куда-нибудь подальше, напр., въ пустой сарай, куда потомъ не заглядываетъ до того времени, пока не сволочетъ трупа на погостъ. Мертвое тѣло никто не станетъ обмывать, потому что на такого человѣка всѣ стали бы смотрѣть, какъ на послѣдняго поганца, для этой операціи приглашаютъ кого-нибудь изъ русскихъ или татаръ и совершается оно не въ избѣ, а гдѣ-нибудь подальше, напр., на гумнѣ. Войлокъ, подушка, одежда, всѣ вещи, которыми пользовался умершій во время болѣзни, продаются за безцѣнокъ или отдаются русскимъ нищимъ, а то просто выбрасываются. Послѣ погребенія бросаютъ на могилѣ даже тѣ орудія, которыми она выкопана. Посѣщать покойника и провожать его въ церковь и на кладбище не принято. Замѣчательно, что даже рѣдко плачутъ о покойникахъ. Когда тѣло умершаго вынесутъ изъ дома, хозяйка дома кидаетъ ему вслѣдъ раскаленный камень, чтобы избавиться отъ посѣщеній мертвеца. Затѣмъ все въ домѣ чистятъ и моютъ и сами обмываются въ банѣ.

Религіозные праздники черемисъ сопровождаются обыкновенно весельемъ, пѣснями, пирушками, даже своего рода маскарадами. Вотъ какъ описываетъ уже цитированный нами наблюдатель посидѣнки. «Большая черная изба, полъ до невѣроятія грязный, всюду валяются огарки лучины, скорлупа орѣховъ, объѣдки рѣпы. Въ переднемъ углу висятъ закоптѣлыя иконы, иногда внизъ головой. На столѣ пура въ большой кадкѣ, кумышка въ штофѣ и закуска, въ видѣ чернаго хлѣба съ лукомъ и солью. По лавкамъ сидятъ дѣвки (юдуръ) и парни. Тѣ и другіе балагурятъ; въ одномъ углу загадываютъ загадки, въ другомъ запѣваютъ пѣсни. Пожилые черемисы зачастую заглядываютъ въ эти сборища, но стариками тутъ мало занимаются; если имъ и придется бывать, то они стоятъ въ сторонѣ и солидно покуриваютъ, разговаривая о непорядкахъ въ деревнѣ или о хозяйственныхъ дѣлахъ. Тутъ припоминаются еще свѣжія событія въ родѣ того, какъ Иванъ Максимовъ недавно украдкой вырубилъ въ лѣсу два бревна, началъ выѣзжать съ ними изъ лѣса и какъ разъ попалъ на самого лѣсничаго; какъ лѣсничій хотѣлъ его остановить и когда тотъ ударилъ по лошади, выстрѣлилъ по черемисину, но промахнулся; какъ потомъ бѣдный Иванъ безъ памяти гналъ домой и со страху долго, долго не ѣздилъ въ лѣсъ. А то говорятъ про охоту, которой черемисы большіе любители; тутъ рѣчь замѣтно оживляется, у пожилыхъ вырывается невольный вздохъ сожалѣнія о томъ, что прежде не въ примѣръ больше было дичи и звѣря, да и люди были ловчѣе, да и звѣрь какъ будто самъ шелъ на нихъ. Но увы! Прошлаго не воротишь— такъ надо съ горя выпить, и—собесѣдники пьютъ понемногу. Подъ вліяніемъ водки оживаютъ въ памяти прежніе молодецкіе подвиги и иной разъ сѣдой черемисинъ вдругъ запоетъ про свою молодость, про то, какъ онъ любилъ когда-то, можетъ быть, ту самую старуху, которая теперь стоитъ тутъ же съ трубкой въ зубахъ; черемисинъ и заплачетъ... жаль молодости!

Молодежь пока крѣпится, кромѣ пива не пьетъ ничего. Даже до пѣсенъ еще не добрались; пока пробуютъ находчивость сосѣда загадками (туштымъ тушташъ).

«Башимъ таракъ, кутымъ оракъ» (на головѣ серьга, на хвостѣ серпъ)? спрашиваетъ одна востроглазая дѣвушка своего сосѣда, молодого, немного нерасторопнаго парня, который любовно смотритъ на загадывающую. Онъ открылъ было ротъ, но ни слова не выпустилъ. Окружающіе знаютъ, что это нѣжная парочка, и готовятся осмѣять смутившагося молодца. Кто-то сзади подсказалъ ему разгадку и онъ, очнувшись, тихо выговариваль:—«Агутакъ (пѣтухъ)». Сейчасъ же готовы другія загадки: «Икъ коля, какъ почанъ (у одной мыши два хвоста)?» «Ендалъ, ендалъ (лапти, лапти)!» завопили въ толпѣ. «Икъ рушвате шюду чіэнъ пачашъ (на одной бабѣ сто рубахъ надѣто)?» кричатъ съ другой стороны. «Вишь что вздумали,—крикнетъ неожиданно входящій русскій,—сто рубахъ на одной бабѣ!.. Знамо, капуста!» «Сап плетъ кутаретъ» (здорово живете)!» кричитъ онъ, кланяясь направо и налѣво. «Сай плетъ, сай плетъ!» отвѣчаютъ ему и черемисы начинаютъ дружески жать ему руку. «Арапа ю!» обращается къ нему хозяйка, поднося стаканъ кумышки.

Русскій пьетъ и начинаетъ разговаривать. За первымъ стаканомъ слѣдуетъ другой, третій, всѣ собесѣдники замѣтно веселѣютъ. Старый подслѣповатый Миколай, хозяинъ дома, сидитъ тутъ же. Благодаря кумышкѣ, онъ покраснѣлъ; глаза, какъ угольки, свѣтятся изъ-подъ сѣдыхъ бровей; шапка немного свалилась на бокъ, погасшая чилимка все еще торчитъ изо рта. Не имѣя силы поднять ея, онъ безсильно машетъ рукой, стараясь пригласить къ молчанію собесѣдниковъ. Вотъ ротъ его, на половину лишенный зубовъ, открылся и онъ дребезжащимъ голосомъ затянулъ:

Пошелъ я въ лѣсъ,
Изъ ружья стрѣлялъ (тамъ)
Зайца поймалъ (убилъ)...

Миколай былъ встарину хорошій охотникъ, одинъ ходилъ на медвѣдя. Между собесѣдниками смолкъ разговоръ. Они приготовились и уже начали пѣть хоромъ.

Въ лѣсъ пришелъ,
Лисицу застрѣлилъ
Да капканъ поставилъ,
Поставивъ капканъ,
Изъ лѣса вышелъ,
Домой пошелъ...

Дребезжащій старческій голосъ все еще не утратилъ силы чувства. Старики поютъ съ воодушевленіемъ.

Въ это время и молодежь, бросивъ загадки, тоже принимаются за пѣсни. Только здѣсь поются пѣсни уже другого содержанія, любовныя. Поютъ однѣ дѣвушки; парни молчатъ. Иной подперъ голову рукой и такъ слушаетъ; другой стоитъ передъ дѣвушками, и точно подъ вліяніемъ какого нибудь волненія, судорожно поправляетъ шапку, которая и безъ того крѣпко сидитъ на головѣ. Тоненькимъ голоскомъ выводятъ дѣвушки заунывную пѣсню. Поется пѣсня про дѣвушку, покинутую своимъ любовникомъ. Упреки и зложеланія сыплются на измѣнника. Ставя себя на мѣсто пострадавшей отъ вѣроломнаго друга, дѣвушки невольно пригорюниваются сами и пѣсня принимаетъ еще болѣе грустный характеръ, сильнѣе трогаетъ за душу. Вотъ эта пѣсня въ русскомъ переводѣ:

«Только тогда горячо бьется сердце, когда мы молоды, тогда мы только и любимъ!

«Вотъ ты бросилъ меня, держишь другую любезную: пусть же у тебя вмѣсто сердца будутъ ужъ да лягушка.

«Не дѣтей родитъ тебѣ жена, а ужа да лягушку.

«Надѣну я хорошій табуръ, обуюсь получше, гордо буду ходить, всѣмъ на задоръ; пусть смѣются, кому хочется!

«Легла я спать вечеромъ, все о миломъ думала...

«Утромъ, когда встала, увидала красное солнышко: свѣтитъ оно и грѣетъ! А милаго дружка я больше не увижу!..

«За то, что бросилъ ты меня и полюбилъ другую, будь у тебя не сердце, а лягушка да ужъ вмѣсто него!»

Другая сцена. Уже 4 часа утра. Разгулявшаяся молодежь пристаетъ къ дѣвушкѣ, прося ее пѣть. Анка подумала немного, немного покраснѣла и затянула:

Съ красными ногами голубокъ
На мосткахъ сѣлъ:
Пшеницу онъ клюетъ,
Водой запиваетъ.
Моего друга разыскивали:
А онъ—въ бѣлой горницѣ
Чай пьетъ,
Сахаромъ закусываетъ.

Анка пропѣла пѣсню и прибавила даже припѣвъ «дылай, дылалай». Барабанщикъ не остался въ долгу. Подлаживаясь подъ голосъ Анки и пристально уставившись въ ея грудь, на которой эта кокетка навѣсила всѣ свои праздничные наряды, онъ запѣлъ очевидно про Анку:

Съ шелковымъ узоромъ рубашка,
Съ плетенымъ узоромъ кафтанчикъ,
Мониста (у ней) на груди—
Изъ монетъ серебряныхъ,
Цѣпь на груди—
Изъ серебряныхъ колецъ.

Ближе къ переднему углу сидитъ другая пара. Парень уперся локтями въ столъ и обернулся по направленію къ дѣвушкѣ, которая, поджавъ руки, сидитъ съ нимъ рядомъ. Оба старательно выводятъ:

На переднемъ окошкѣ
Двѣ бисеринки я положила:
Одна укатилась,
А пара осталась.
Въ деревнѣ два друга:
Одинъ ушелъ,
Двое осталось.

На подмарѣ помѣстилась цѣлая группа. Три или четыре дѣвушки окружили дюжаго парня Ивана. Иванъ небрежно сидитъ, ухмыляясь самодовольно, а дѣвушки величаютъ его:

За избу я ушла, за клѣть,
Шелковый поясъ тамъ сновала:
Шелковый поясъ—три рубля (стоитъ),
Нашему другу Ивану цѣны нѣтъ.

Сквозь замерзшія стекла убогихъ окошекъ начинаетъ пробиваться утренній свѣтъ. Проснувшіяся собаки поднимаютъ лай и выбѣгаютъ со двора на улицу. Молодежь уже чувствуетъ себя утомленною. Парни, какъ бы сговорившись, поднимаются всѣ разомъ и собираются уходить. Дѣвушки провожаютъ ихъ въ сѣни и начинаютъ о чемъ-то упрашивать. Парни живо соглашаются. Вся ватага отправляется на задворки и идетъ въ огородъ. Подъ наблюденіемъ дѣвушекъ парни руками дѣлаютъ изъ снѣгу конусообразныя кучки, каждый для своей подруги. Дѣвушки тщательно замѣчаютъ свои кучки. Особенно шумно празднуется *сорокелъ*, совпадающій съ нашими святками. Если сорокелъ въ другой деревнѣ обѣщаетъ много хорошаго, то при наступленіи су-

мерекъ отправляется туда цѣлый поѣздъ. Гамъ и шумъ можетъ скорѣе напомнить свадебный поѣздъ, чѣмъ отправленіе въ гости. Сидя на козлахъ, рядомъ съ возницей, черемисинъ-музыкантъ ухитряется бить въ тактъ въ барабанъ на полномъ бѣгѣ лошади, даже играть въ пузырь. На обратномъ пути значительно опьянѣвшіе отъ угощенія черемисы при проѣздѣ черезъ русскія деревни, будятъ спящихъ обывателей своими нестройными воплями. Поневолѣ проснется русскій, когда услышитъ, какъ оретъ человѣкъ тридцать пѣсню, что называется во все горло. Приставъ на ноги, сопровождая пѣніе свистомъ, акомпанируемые воемъ и лаемъ собакъ, неразлучно слѣдующихъ за хозяевами даже въ гости, черемисы не поютъ, а выкрикиваютъ скорѣе:

Савраска—добрая лошадь:
Въ гости (на ней) хорошо ѣздить
Жена моя—красивая баба:
Въ гости (съ ней) весело (ѣздить)!
Славно мы тамъ пировали!
Вино мы пили и пиво пили!
Отлично пировали!.. Ай люлю!.. (id., 55)

Эти праздники бываютъ главнымъ образомъ осенью и зимой, весной же и лѣтомъ веселится почти одна подростающая молодежь обоего пола особенно при сборѣ ягодъ. Пѣсни при этомъ въ большомъ ходу. Вотъ смотритъ молодой черемисинъ на толпу дѣвушекъ—да и запоетъ вдругъ такую пѣсню:

Сегодня четвертокъ,
А завтра пятница.
Пойдешь дѣвка въ лѣсъ
Смородину—ягоду собирать!
Вѣкъ скоро пройдетъ,
Будемъ же гулять, пока молоды!

Молодежь отправляется въ лѣсъ: тутъ на свободѣ, вдали отъ родительскаго глаза происходитъ сближеніе. Недаромъ поетъ въ одной пѣснѣ черемисская дѣвушка:

Сколько ягодъ ни брала, ни ѣла,
Все бы на тебя, мой милый, я глядѣла!

Въ другой пѣснѣ молодой парень, разставаясь съ дѣвушкой въ лѣсу послѣ свиданія, говоритъ:

Вотъ скоро клубника (меркюешь) поспѣетъ.
Видимся мы теперь,
А когда-то Богъ приведетъ увидѣться потомъ!..

Изъ этихъ словъ видно, что свиданія наединѣ не часты; они обусловливаются временемъ сбора земляники, клубники, малины.

Не терпится временемъ парню, хочется поскорѣе увидать дѣвушку и онъ караулитъ, не покажется-ли она въ огородѣ. Пѣсня опять поетъ:

Вотъ хорошенькая вышла поливать капусту,
Я люблю ее, сильно люблю,
Готовъ подарить ей все, что она захочетъ,
Отчего-жъ мнѣ не подарить ей серебряный рубль?

Пѣсня мѣтко указала здѣсь на самый дорогой для дѣвушки подарокъ. Серебряный рубль, который милый подаритъ ей, она не истратитъ, а украситъ имъ свою грудь и будетъ вспоминать милаго.

Молодежь легко сходится между собой и женихъ обыкновенно не требуетъ отъ молодой невинности. Бракъ до сихъ поръ совершается часто посредствомъ первобытнаго умыканія. Оно въ повсемѣстномъ употребленіи. Невѣсту просто похищаютъ изъ хоровода во время праздниковъ, въ лѣсу, когда она собираетъ грибы или ягоды, съ рѣки, если она вышла мыть бѣлье и т. д. спеціальные термины для этого у черемисъ суть: кучашъ — поймать и нангаяшъ — утащить. «Первые дни новобрачной, говоритъ г. Кузнецовъ, въ чужомъ домѣ проходятъ въ работѣ на показъ; всѣми силами добрая невѣстка доказываетъ своему свекру, что она—не лишній ротъ въ семьѣ, что ея руки могутъ исправно и проворно работать. Тоже и у русскихъ существуетъ обычай посылать молодую за водою утромъ послѣ первой же брачной ночи. Строгій глазъ свекрови зорко смотритъ на рѣку, куда отправилась молодица, и наблюдаетъ, проворно-ли она возвращается оттуда, полно-ли начерпаны ведра, бодро-ли она выступаетъ. Представьте себѣ, читатель, длинную улицу въ деревнѣ, по которой идетъ молодушка. Волоковыя окна открыты, оттуда непремѣнно высунулось по двѣ, по три головы съ глазами, пытливо устремленными на молодицу, которая, скромно опустивъ глаза въ землю, выступаетъ по улицѣ. Провожающіе ее глаза такъ и ждутъ, что молодуха расплещетъ воду, обольетъ края расписанныхъ цвѣтками ведеръ. Но она идетъ бодро, ведра мѣрно качаются и ни капля воды не скатывается черезъ край. Молодуха подходитъ къ воротамъ, одною рукой осторожно отворяетъ ихъ, а другой придерживаетъ коромысло и скрывается во дворѣ отъ глазъ наблюдателей. Случись грѣхъ—и прославитъ она почти плохой бабой, дурною хозяйкой. Этимъ испытаніе молодицы не ограничивается: она должна напоить скотину, замѣсить ей корму и хлопотать съ свекровью около печи. Тутъ ей приходится выказать свое кулинарное искуство. Сошло все благополучно—и слава Богу. Ее будутъ любить, будутъ ею гордиться... Этотъ обычай принятъ черемисами отъ русскихъ, только соблюдается съ меньшею формальностью. А затѣмъ пойдетъ у молодушки однообразная жизнь, теченіе которой нарушается развѣ только какими-нибудь чрезвычайными семейными событіями. Черемиска — первая работница мужа, который зимой обыкновенно ничего не дѣлаетъ. Женщины сидятъ за пряжей, за шитьемъ, бабы помоложе и дѣвки, грызя орѣхи, зубоскалятъ, а старухи, непремѣнно съ трубкою во рту, ходятъ и ворчатъ. Мужчины заваливаются на печь и сосутъ чилимку, коротенькую трубку. Изрѣдка только и нехотя, съ бранью, поднимается черемисинъ съ своей печи, когда жена ужь къ горлу, что называется, пристанетъ, чтобъ онъ шелъ наколоть дровъ или сводилъ лошадей на водопой. А когда приходится ѣхать въ луга за сѣномъ, черемисинъ ужь просто ругается, на чемъ свѣтъ стоитъ. Праздность подталкиваетъ черемисина на выпивку: всего охотнѣе слѣзаетъ онъ съ печи, чтобы, накинувъ на плечи свой табуръ, идти въ кабакъ; а то—принимается варить свое вино, кумышку. Лѣтомъ же черемисъ работаетъ какъ волъ. При замѣчательномъ трудолюбіи черемисы до сихъ поръ держатся общины, подчиняя принципамъ ея не только владѣніе разными угодьями, но и свои торговыя дѣла. Представитель общины, каштанъ, продаетъ продукты ея, дѣлаетъ для нея оптовыя закупки, ходатайствуетъ по ея дѣламъ и т. д.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Маленькій паровой ботъ, вышедшій изъ штокгольмскихъ шхеръ, остановился у озера для принятія пассажировъ и товара съ большого парохода, идущаго изъ Шона. На палубѣ шонскаго парохода стоялъ господинъ, слѣдившій за ботомъ, подходящимъ къ берегу съ пассажирами; онъ обратился къ стоящей съ нимъ рядомъ женщинѣ и, показывая на красивый барскій домъ, отражавшійся въ водѣ, къ которому подходилъ ботъ, спросилъ:

— Не будете-ли столь любезны и не скажете-ли мнѣ, что это за прекрасное имѣніе?

— Это Тимасіо.

— Оно принадлежитъ полковнику Стангенскіольду? спросилъ господинъ.

— Принадлежало ему,—отвѣтила дама, довольная случаемъ, доставившимъ ей возможность поговорить. — Полковникъ продалъ его, получивъ извѣстіе о смерти свекра, фабриканта Гарлена, умершаго заграницей. Не удивительно, что онъ пожелалъ отдѣлаться отъ имѣнія, въ которомъ померли его дѣти. Да, Тимасіо было вполнѣ домомъ печали для семейства Стангенскіольдъ.

— Кому принадлежитъ оно теперь? спросилъ господинъ.

— Леди или графинѣ Кастертонъ. Она наслѣдовала его по смерти отца, извѣстнаго богача, ростовщика Аарона Бромера, заплатившаго за имѣніе, не за долго до смерти, 500,000 рейхсталеровъ; полковникъ удержалъ только маленькое имѣніе Скокгофъ, принадлежавшее также къ Тимасіо; удивительно, что ему вздумалось удержать это имѣніе, находящееся въ глухой мѣстности и не отличающееся красивыми видами.

— Какъ фамилія обладательницы Тимасіо? переспросилъ господинъ среднихъ лѣтъ съ военною осанкою.

— Кастертонъ. Два года тому назадъ она вышла за англійскаго графа или лорда, какъ ихъ тамъ называютъ. Я ея очень хорошо знаю, она воспитывалась у меня на Альтропѣ, лежащимъ близъ Тимасіо, когда отецъ привезъ ее ко мнѣ, она едва читала, три же года съ половиною тому назадъ уѣхала отъ меня такою образованною дѣвицею, что не успѣла доѣхать до границы, какъ за нее посватался англичанинъ; очень странный бракъ. Дѣвушка любила другого, но отецъ уговорилъ ее выйдти за лорда. Черезъ шесть недѣль она уѣхала отъ мужа, замѣтивъ, что онъ сумашедшій, и получивъ извѣстіе о смерти отца, по которому цѣлый годъ носила глубокій трауръ. Весною уѣзжала заграницу, чтобы повидаться съ мужемъ; пробыла гдѣ-то цѣлый годъ и недавно вернулась въ Швецію. Во время ея отсутствія замокъ такъ возобновленъ и поправленъ, что трудно узнать его. Она, должно быть, находится теперь въ Тимасіо, за что не могу однако поручиться, такъ какъ нѣсколько недѣль провела у родныхъ.

Пасторша Брогренъ, это была она, остановилась, переводя духъ; господинъ, повидимому, очень любопытный, спросилъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ:

— Имѣлъ Бромеръ еще дѣтей, исключая графини Кастертонъ?

— Нѣтъ, не имѣлъ. Не бывъ женатымъ, онъ усыновилъ ее; хотя бы, казалось, могъ жениться на матери, бывшей прекрасною, работящею и честною женщиною.

— Развѣ вы знаете мать?—спросилъ господинъ, смотря на пасторшу удивленными глазами.

— Также хорошо, какъ знаю себя. Мое имя Брогренъ, мой мужъ былъ пасторомъ, оставшись вдовою, я открыла пансіонъ для дѣвицъ; лэди Кастертонъ была моею первою воспитанницею. Бромеръ привезъ ко мнѣ дѣвочку съ няней, которую звали Лотти; во все пребываніе у меня дѣвочки, получала я также плату и за Лотти, проживавшую въ моемъ домѣ. Не трудно было догадаться, что няня была матерью ребенка; всѣми силами старалась я подѣйствовать на Бромера, но напрасно. Графиня поступаетъ очень неблагоразумно, держа Лотти, какъ слугу; конечно, Лотти всего сорокъ съ небольшимъ, но все-же не хорошо, что мать разыгрываетъ роль старшей служанки въ домѣ дочери.

— Лотти, значитъ, до сихъ поръ находится у графини?

— Конечно, она занимаетъ мѣсто смотрительницы и управляетъ хозяйствомъ. Насколько мнѣ извѣстно, онѣ разставались всего разъ, а именно въ прошломъ году, когда графиня ѣздила въ Англію съ одною горничною, англичанкою; Лотти оставалась смотрѣть за перестройками въ имѣніи, чтобы все было готово къ возвращенію графини.

— Вамъ, у которой графиня провела столько лѣтъ, долженъ быть хорошо знакомъ характеръ и нравъ ея; какова она? спросилъ господинъ.

— Она настоящій ангелъ, трудно было себѣ представить ребенка милѣе ея; конечно, она имѣла маленькіе капризы, но при этомъ обладала кроткимъ и мягкимъ сердцемъ, располагающимъ къ ней всѣхъ; своихъ дѣтей любила я небольше маленькой Эльвиры.

При послѣднихъ словахъ, растроганная насторша не преминула достать платокъ, утирая имъ глаза для потвержденія искренности.

Разговоръ былъ прерванъ подошедшимъ къ нимъ капитаномъ, который сказалъ незнакомцу, что онъ легко можетъ быть доставленъ въ Тимасіо, если только встрѣтится имъ лодка; спустя часъ, онъ былъ въ Тимасіо.

II.

Видѣвшіе Тимасіо за два года съ трудомъ узнали бы его, такъ все въ немъ перемѣнилось.

Бромеръ сейчасъ же послѣ покупки имѣнія поручилъ архитектору, согласно указанному плану, приступить къ перестройкѣ дома и близъ лежащихъ зданій; едва успѣли они подписать контрактъ до смерти Бромера. Лордъ Кастертонъ, какъ мужъ Эльвиры, сдѣлался собственникомъ всего оставленнаго имущества, но по уговору между ними, Эльвира одна вступила имъ въ управленіе; она ничего не измѣнила въ планѣ, набросанномъ отцомъ; такимъ образомъ, барскій домъ обратился въ прекрасный замокъ новѣйшаго вкуса.

Все возможное было сдѣлано, чтобы придать этимъ столѣтнимъ стѣнамъ видъ молодости для уничтоженія малѣйшаго воспоминанія о прошломъ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА П. ЧИСТЯКОВА.

Итальянскій нищій.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ Варшавѣ.

Старинная зала рыцарей обратилась въ прекрасную столовую, надъ каминомъ которой красовался гербъ Кастертона тончайшей работы; изъ портретной галлереи образовалась великолѣпная гостиная, на стѣнахъ которой висѣли два портрета: одинъ—представляющій лорда Кастертона въ молодости, другой—маркизу Бризи. Мы не намѣрены останавливаться въ этихъ комнатахъ, а, пройдя далѣе, зайдемъ въ большую, свѣтлую рабочую комнату, стѣны которой были завѣшаны картинами извѣстныхъ мастеровъ; этажерки сгибались подъ тяжестью безчисленныхъ произведеній искуствъ; столы были покрыты рисунками и книгами. У окна стоялъ письменный столъ, являвшійся самъ по себѣ уже такимъ рѣдкимъ произведеніемъ, что всякій невольно останавился бы полюбоваться имъ; на стѣнѣ, оставшейся свободною отъ рѣдкихъ картинъ, висѣла одна, обращавшая на себя вниманіе простотою рамки. Картина эта, предъ которою стояла въ грустномъ раздумьи Эльвира, представляла покойника, въ немъ легко можно было узнать Аарона Бромера.

Въ послѣдній разъ видѣли мы Эльвиру три года назадъ. Изъ семнадцатилѣтняго ребенка обратилась она въ двадцатилѣтнюю женщину, все съ тою же привлекательною наружностью, съ которой однако пропало дѣтское выраженіе и проглядывали серьезность и задумчивость, недостававшія въ былое время; взоръ съ удовольствіемъ останавливался на этой привлекательной женщинѣ, стоящей задумчиво передъ портретомъ. Вошедшій лакей заставилъ ее обернуться.

— Пришла какая-то дама, желающая переговорить съ вашимъ сіятельствомъ,—доложилъ человѣкъ.

— Какъ ее зовутъ? спросила Эльвира.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГАБРІЕЛЯ МАКСА.

Послѣ бала.

— Онѣ не желаютъ сказать своего имени, а приказали доложить о себѣ, какъ о старой знакомой.

— Старая знакомая, повторила Эльвира,— пусть взойдетъ, прибавила она, садясь на диванъ.

— Кто бы это могъ быть! думала она.—Вѣрно, кто-нибудь изъ пансіонскихъ; большая часть изъ нихъ посѣтила меня, дочь ростовщика сдѣлалась особой, о которой можно вспомнить. Всѣ, сказала я, нѣтъ, одна не можетъ забыть моего низкаго происхожденія и именно особа, раздражившая мой дѣтскій разумъ до такой степени, что я за знатное имя готова была пожертвовать жизнью. О, еслибъ я только могла вернуть сдѣланный шагъ и получить свободу!

Человѣкъ поднялъ портьеру, сказавъ:

— Потрудитесь войдти къ графинѣ.

Поднявъ взоръ на вошедшую, Эльвира узнала Армиду. Уныніе мгновенно пропало, лучъ радости прояснилъ черты Эльвиры; она быстро вскочила съ движеніемъ, какъ бы говорящимъ:

— Наконецъ!

По удаленіи человѣка, Армида остановилась на порогѣ богатой рабочей комнаты. Нѣсколько минутъ, молча, стояли онѣ, смотря другъ на друга. Одежда Армиды имѣла отпечатокъ поношеннаго изящества, свойственнаго нѣкоторымъ особамъ; Армида была очень блѣдна и, казалось, перетерпѣла много непріятностей. Эльвира, наоборотъ, высоко держала хорошенькую головку съ гордымъ сознаніемъ, что имѣла всѣ преимущества надъ бывшею своею непріятельницею.

Простоявъ нѣсколько минутъ, стараясь однимъ взглядомъ понять обоюдное положеніе, Эльвира, съ лица которой пропало гордое выраженіе, подошла на нѣсколько шаговъ къ Армидѣ:

— Какому счастливому случаю обязана я посѣщенію Армиды К...? спросила она, протянувъ руку.—Я буду очень рада, если чѣмъ-нибудь могу услужить прежней пансіонской подругѣ.

Армида, взявъ руку Эльвиры, сказала патетическимъ тономъ:

— Ахъ, я вижу, что не ошиблась, разсчитывая на доброе, нѣжное сердце моего друга юности. Да, я была увѣрена, что ты не перемѣнилась, въ этой надеждѣ пришла я сюда. Милая, дорогая Эльвира, позволь мнѣ такъ называть ту, которую всегда въ душѣ искренне любила, не смотря на мое прежнее обращеніе.

При этомъ Армида принялась цѣловать руки Эльвиры, на которую слова ея произвели непріятное впечатлѣніе. Выдернувъ руку, она холодно замѣтила:

— Армида, мы никогда не были друзьями; ты всегда чувствовала ко мнѣ непріязнь; зачѣмъ лгать о склонности, никогда не существовавшей. Не воображаешь-ли ты, что отъ лести заживутъ раны, которыя ты мнѣ наносила? Нѣтъ, твои слова непріятно дѣйствуютъ на меня; оставь притворство, лесть и всѣ рѣчи о дружбѣ, бывшей открытою враждою. Скажи только, если тебѣ нужно мое участіе, будь увѣрена, я исполню, что могу, не взирая на прошлое.

Видъ Эльвиры былъ такъ благороденъ, что невольно внушалъ уваженіе даже Армидѣ, потерявшей присутствіе духа; чтобы опять принять на себя прежнюю роль, Армида принялась плакать, зная, что Эльвира не могла видѣть плачущаго человѣка; положивъ руку на плечо Армиды, Эльвира сказала кроткимъ, дружественнымъ тономъ:

— Что случилось? Не могу-ли я помочь твоей печали? Говори, не скрываясь, я съ удовольствіемъ сдѣлаю все возможное.

— Я бѣдна, Эльвира, сказала Армида,—покинута друзьями, покровителями, безъ мѣста и родины.

Слова эти были сказаны съ необыкновенною грустью, видно было, что она говоритъ тяжелую истину.

— Вѣдь это несчастье, которому легко можно помочь, сказала Эльвира, лаская ее.—Для начала ты останешься у меня на лѣто. Въ это время мы успѣемъ какъ-нибудь рѣшить твою судьбу.

— Эльвира! вскрикнула Армида, взглянувъ на эту женщину, такъ часто ею оскорбляемую и которая, казалось, забыла теперь пролитыя слезы.

Армида поблагодарила ее на этотъ разъ вполнѣ искренне. Поговоривъ немного, Эльвира позвонила и приказала проводить дѣвицу К... въ комнату для гостей; пожавъ руку Армиды, она сказала, мило улыбаясь.

— Тебѣ необходимъ покой, черезъ часъ я приду звать тебя къ обѣду, послѣ котораго погуляемъ въ паркѣ; надо показать тебѣ, сколько здѣсь перемѣнъ. Теперь прощай на часокъ.

Эльвира поклонилась Армидѣ, удаляющейся за лакеемъ въ назначенную комнату. Все еще находясь подъ впечатлѣніемъ дружественнаго пріема, переодѣваясь, Армида стала сравнивать ихъ положеніе.

Ее сердило, что она, Армида, принуждена была обратиться къ злѣйшему своему врагу за помощью; въ готовности, съ которою Эльвира предложила ей свой домъ и помощь, она видѣла не доброту ея сердца, а способъ отомстить и дать почувствовать, какъ пріятно быть въ зависимости отъ дочери ростовщика. Да, Армида рѣшила, что Эльвира поступила крайне невѣжливо, отославъ ее, какъ бы показывая этимъ нежеланіе быть ею стѣсненной. Ей не хотѣлось объяснить поступокъ Эльвиры желаніемъ прекратить натянутость и принужденіе первой встрѣчи, избавить Армиду отъ благодарности, такъ какъ тогда пришлось бы сознаться, что Эльвира выше ея въ нравственномъ отношеніи.

Армида прожила цѣлую недѣлю въ Тимасіо. Эльвира успѣла сдѣлать ей очень деликатно нѣсколько подарковъ, не спрашивая ни разу, какъ могла она дойдти до такой бѣдности.

Сидя въ палаткѣ, устроенной на мостикѣ, выходящемъ въ бухту, онѣ разговорились о судьбѣ Армиды.

Она разсказывала, что ея опекунъ умеръ несостоятельнымъ, маленькій капиталъ, находившійся у послѣдняго, пропалъ, все это случилось вскорѣ по переѣздѣ въ Тимасіо, такъ что она, не смотря на зависимость, принуждена была оставаться чѣмъ-то въ родѣ компаньонки Марты, потомъ сдѣлалась сидѣлкою заболѣвшей полковницы, но вскорѣ послѣ смерти послѣдней она принуждена была удалиться отъ полковника; всѣ старанія получить другое мѣсто оставались безуспѣшны; дѣвица К..., не смотря на знатное имя, не могла получить занятій. Ея и безъ того маленькое состояніе постепенно исчезало такъ, что пришлось продать тѣ немногія драгоцѣнности, которыя имѣла, и прожить, терпя такимъ образомъ униженія, достающіяся на долю бѣдности.

Знакомые не хотѣли ее знать, родные не допускали къ себѣ, не отвѣчали даже на ея письма. Хотя она знала еще въ домѣ Стангенскіольда, что Эльвира вышла за богатаго, знатнаго англичанина, но долго не рѣшалась ее безпокоить, пока, наконецъ, не имѣя болѣе средствъ и видя приближающуюся нужду, принуждена была отправиться въ Тимасіо съ просьбою.

Съ грустью разсказала она Эльвирѣ о своихъ неудачахъ, какъ бы считая себя обиженною семействомъ Стангенскіольдъ.

— Не могли же они преслѣдовать тебя безъ всякаго повода? сказала Эльвира, выслушавъ до конца.

— Ты вполнѣ справедлива, они имѣли на это много причинъ. Весь прошлый годъ мы постоянно спорили съ Мартой; причиною тому были сначала покойница, потомъ Карлъ. Марта не хорошо поступала съ матерью; по смерти послѣдней, она стала ссориться съ Карломъ, ревнуя его къ тебѣ. Разойдясь съ нимъ, она отказала мнѣ, тяготясь мною, какъ свидѣтельницею ея ссоры съ Карломъ. Карлъ уѣхалъ изъ Баденъ-Бадена, я же принуждена была принять приглашеніе госпожи В., иначе мнѣ не на что было вернуться, такъ мало Марта выдала мнѣ денегъ. Пріѣхавъ въ Стокгольмъ, я старалась найдти мѣсто, но, благодаря полковнику Стангенскіольду, никто не рѣшался брать меня.

— Что заставляло его такъ дѣйствовать? спросила Эльвира.

— Марта, вѣроятно, не желала встрѣчаться со мной въ обществѣ, гдѣ бы я могла разсказать про различные ея не очень похвальные поступки. Самъ по себѣ полковникъ ничего не значитъ, онъ вполнѣ подчиняется Мартѣ, Армида произнесла эти слова съ угрожающимъ видомъ.

— Но ты не должна этого дѣлать, прервала ее Эльвира,—неблагородно распространять тайны нашихъ враговъ, которые мы узнали, бывши друзьями.

— Справедливо, потому только и молчу, сказала Армида,—но все-таки мнѣ жаль Карла. Совѣсть Марты не будетъ спокойна, если съ нимъ что-нибудь случится; несправедливо было покидать его изъ-за новой любви, его, котораго она такъ сильно ревновала ко всѣмъ. Бѣдный Карлъ!

Армида, вздохнувъ, посмотрѣла исподтишка на Эльвиру; ожидая, что та спроситъ, что означаютъ послѣднія ея слова, но Эльвира заговорила о будущности Армиды.

— Я здѣсь останусь до половины августа, сказала Эльвира,—послѣ чего уѣду въ Англію на свиданіе къ мужу, гдѣ и пробуду, вѣроятно, всю зиму. Я съ удовольствіемъ доставлю тебѣ средства, если ты пожелаешь, устроить пансіонъ, но все-таки надѣюсь, что ты останешься со мной до моего отъѣзда.

Получивъ согласіе Армиды, Эльвира рѣшилась поручить завѣдывающему ея дѣлами устройство пансіона для Армиды.

— Ты увидишься осенью съ мужемъ? спросила послѣдняя.

— Да, мы встрѣтимся въ Лондонѣ, потомъ поѣдемъ навѣстить маркизу Бризи, отвѣтила Эльвира.

— Лордъ Кастертонъ имѣетъ родственниковъ?

— Мой мужъ единственный представитель этого древняго рода.

— Удивительно! таинственно пробормотала Армида.

Эльвира хотѣла сдѣлать вопросъ, но промолчала; спустя нѣсколько минутъ, она сказала, показавъ на кучку островковъ, отражающихся въ гладкой поверхности воды.

— Наша Швеція очень красива, я такъ люблю свою родину, что не желала бы имѣть ее въ другомъ мѣстѣ.

— Да, ты очень любишь родину, если рѣшаешься жить здѣсь, въ разлукѣ съ мужемъ.

— Ты должна согласиться, продолжала Эльвира, не отвѣчая ей,—что Тимасіо сталъ гораздо красивѣе. Трудно узнать старый, мрачный замокъ, превратившійся въ прекрасное зданіе. Знаешь, Армида, я не терплю старые замки, невольно сравнивая ихъ съ развалинами, готовыми обрушиться на голову живущихъ въ нихъ. Можетъ, это происходитъ оттого, что я вышла изъ класса людей, не имѣющихъ знатныхъ предковъ, а живущихъ и трудящихся въ настоящемъ. Купцы, лавочники и торговцы старыхъ платьевъ, болѣе другихъ дѣти настоящаго времени. Эльвира продолжала, весело улыбаясь:—Ты вѣдь не забыла про твою непріязнь къ послѣднимъ?

— Эльвира, прервала ее Армида, вспомнивъ прежнія оскорбленія.

— Не краснѣй, смѣясь сказала Эльвира,— вѣдь я сама была виновата, раздражаясь отъ

твоихъ насмѣшекъ надъ занятіями отца. Я увѣрена, что любила бы замокъ предковъ, ихъ имя и гербъ; теперь же, какъ дочь не особенно уважаемаго, но богатаго человѣка, я люблю окружать себя роскошью, добытою этими деньгами; безъ нихъ мнѣ не удалось бы обратить старый замокъ въ прекрасное зданіе, потому и нравится оно мнѣ въ этомъ видѣ. Удивляюсь, однако, зачѣмъ идетъ сюда Іоганъ?

— Вѣрно, доложить о чьемъ-нибудь пріѣздѣ, сказала Армида.

— Господинъ, не говорящій по-шведски, приказалъ передать эту карточку вашему сіятельству, сказалъ подошедшій человѣкъ, подавая карточку.

— Какъ я рада, вскрикнула Эльвира, убѣгая и какъ бы забывъ про присутствіе Армиды.

III.

Эльвира радостно подбѣжала къ молодому человѣку, стоявшему передъ портретомъ лорда Кастертона, вскрикнувъ:

— Здравствуйте, сэръ Сидней! Вы не повѣрите, какъ я рада видѣть васъ у себя; время разлуки съ вами казалось мнѣ вѣчностью.

Съ необыкновенною для него живостью, схвативъ протянутую руку, онъ сказалъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Не знаю, какъ благодарить васъ за радушный пріемъ; никогда не забуду я, сколько довѣрія заключается въ словахъ лэди Кастертонъ.

Поцѣловавъ руку Эльвиры, онъ выпустилъ ее.

Очнувшись отъ словъ Сиднея, вспомнивъ о настоящемъ положеніи, она поняла, что черезчуръ сильно выразила свою радость; названіе: «лэди Кастертонъ» напомнило ей пропасть между ею и Сиднеемъ. Краска радости, покрывавшая ея щеки, смѣнилась блѣдностью.

— Ахъ, я такъ скучала безъ друзей, грустно, едва удерживая слезы, сказала Эльвира, — что забылась и не могла скрыть радости. Я такъ жаждала вашего совѣта и руководства.

— Я пріѣхалъ съ цѣлью прочитать вамъ цѣлую проповѣдь. Позвольте спросить васъ: что сдѣлали вы для счастья Кастертона? Счастливы ли сами?

Эльвира молчала, опустивъ голову; двѣ слезы тихо скатились по ея щекамъ.

— Простите, если слова мои оскорбили васъ, продолжалъ Сидней. — Право, я сомнѣваюсь, въ состояніи-ли вы выслушать неподдѣльную истину, которую я долженъ высказать, какъ другъ вашъ и Кастертона.

— Я не оскорблюсь, кротко сказала Эльвира, — зная, что васъ побуждаетъ искреннее участіе. Никто не любитъ меня, исключая няни.

— Кто въ этомъ виноватъ, спросилъ Сидней, которому нужна была вся сила воли для сохраненія наружнаго спокойствія.

— Только не я, — живо прервала его Эльвира. — Всѣ измѣнили мнѣ, никто не спросилъ даже, имѣю-ли я сердце или не погибнетъ-ли оно отъ недостатка любви. Однако, не стоитъ говорить объ этомъ; зачѣмъ вспоминать грустное при первомъ свиданіи.

— Вы правы, милэди, теперь не время, скоро пріѣдетъ къ вамъ англійскій секретарь съ семействомъ; мы вмѣстѣ выѣхали изъ Стокгольма. Вы ихъ пригласили погостить?

— Да, я ждала ихъ ежедневно всю недѣлю, отвѣтила Эльвира. — Скажите, не видали-ли... вы...

— Вашего мужа? подсказалъ Сидней. — Я всего одинъ разъ и то проѣздомъ встрѣтился съ лордомъ Кастертономъ, вѣдь я цѣлые два года путешествовалъ.

— Гдѣ вы съ нимъ встрѣтились?

— Въ Лондонѣ. Когда видали вы вашего мужа въ послѣдній разъ? спросилъ Сидней.

— Въ сентябрѣ прошлаго года, прошептала Эльвира, закрывъ лице руками. — О, я очень несчастлива.

Строгость Сиднея пропала при видѣ слезъ любимой женщины; схвативъ руку Эльвиры, онъ старался утѣшить ее.

Вскорѣ пріѣхали мистеръ В. съ семействомъ и прислугою, Эльвира любезно встрѣтила ихъ.

За обѣдомъ, поданнымъ довольно поздно, гости встрѣтились съ обитателями Тимасіо, т. е. съ Эльвирою, пожилою англичанкою мистрисъ Бровъ и Армидою К.

Мистрисъ Бровъ, женщина лѣтъ пятидесяти, жила у Эльвиры болѣе года; мы узнаемъ впослѣдствіи причину ея пребыванія; она отличалась умными, проницательными глазами, красивымъ туалетомъ и тонкимъ свѣтскимъ обращеніемъ и слѣдила внимательно за всѣми, какъ бы имѣя на то порученіе.

Сидней и она давно были знакомы; не смотря на неожиданность встрѣчи въ Швеціи, они не позволили себѣ выказать удивленіе. Мистрисъ Бровъ разспрашивала Сиднея во все время обѣда о его путешествіяхъ.

— Вернувшись въ Англію послѣ полутора годового путешествія по Греціи и Турціи, я вздумалъ посѣтить Швецію; мнѣ хотѣлось познакомиться съ родиною и соотечественниками лэди Кастертонъ.

— Вы не видали маркизы? спросила Эльвира.

— Видѣлъ; я былъ въ Гартонкуртѣ передъ отъѣздомъ изъ Англіи, маркиза поручила передать вамъ поклонъ, милэди; она хорошо себя чувствуетъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ васъ въ сентябрѣ.

Мистрисъ Бровъ, занявшаяся кушаніемъ, исподтишка взглянула на Сиднея.

Вокругъ Тимасіо царствовала тишина и спокойствіе; всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Въ лѣвомъ флигелѣ, выстроеннымъ на дворѣ, на балконѣ выходящемъ въ лѣсъ сидѣла Лотти, задумавшись надъ библіей, лежащей на ея колѣняхъ; тѣнь грусти отѣняла ея, всегда спокойное, лице.

Вдругъ послышались шаги; изъ лѣсу вышелъ человѣкъ, остановившійся при видѣ молящейся Лотти и, наконецъ, онъ рѣшился назвать ее по имени; позванная встала, устремляя взоръ на человѣка, побезпокоившаго ее.

— Посмотри на меня внимательнѣе, сказалъ онъ, пододвигаясь къ балкону, только не вскрикивай; мнѣ необходимо поговорить съ тобой.

Лотти сжала руки, бормоча что-то между зубами, воображая, что видитъ привидѣніе.

— Узнаешь-ли ты меня? началъ онъ снова.

— Какъ мнѣ не узнать васъ? сказала Лотти. — Зачѣмъ пришли вы? Чего вы ищете? О, Господи, сколько несчастій можетъ причинить ваше присутствіе, а я то вотъ уже нѣсколько лѣтъ благодарила Бога за вашу смерть!..

— Я умеръ для всего свѣта, исключая тебя и...

— Для нея надѣялась я на вашу смерть, — прервала его Лотти, заплакавъ.

— Перестань и выслушай меня. Она никогда не услышитъ обо мнѣ. Я пришелъ съ цѣлью узнать отъ тебя то, о чемъ не могъ добиться отъ Бромера.

— Обѣщаете-ли вы не возвращаться, если я исполню ваше желаніе.

— Я обѣщаю исчезнуть, отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ, поднимаясь на лѣстницу.

— Пойдемте въ комнаты, тутъ кто-нибудь можетъ подслушать насъ.

Какъ только они удалились, изъ за ближняго куста показался стройный мужчина; внимательно осмотрѣвъ флигель, онъ быстро поднялся на балконъ, отворилъ двери и вошелъ. Подошедшая Эльвира, вернулась, какъ только замѣтила мужчину. Онъ же поспѣшно приложилъ ухо къ запертой за Лотти двери. Сначала раздавался одинъ полушепотъ, наконецъ, одинъ изъ говорившихъ возвысилъ голосъ.

— Неужели отецъ ничего не сдѣлалъ для нея?

— Онъ только позаботился о погребеніи ея тѣла, отвѣтила Лотти. Безъ неутомимаго Бромера ребенка, вѣроятно, отдали бы въ воспитательный домъ. Въ первый годъ послѣ смерти матери, я боялась, чтобы они не стали искать его, но напрасно скрывала ребенка, о немъ совсѣмъ забыли; Бромеръ призналъ ее своею дочерью. Она до сихъ поръ не догадывается, что родилась въ тюрьмѣ отъ самаго несчастнаго брака.

— Любилъ-ли ее Бромеръ, какъ отецъ? спросилъ мужской голосъ.

— Родную дочь не могъ онъ любить нѣжнѣе и искреннѣе; онъ работалъ, подвергался лишеніямъ, чтобы скопить для нея богатство. Онъ сказалъ мнѣ въ день ея свадьбы: «теперь я спокойно могу умереть, вернувъ Эльвирѣ все, что отъ нея отняли: имя, богатство; я заплатилъ долгъ отцу, любовью къ дочери загладитъ сдѣланное зло».

— У тебя хранятся бумаги, доказывающія рожденіе Эльвиры?

— Да, у меня, отвѣтила Лотти.

Они заговорили такъ тихо, что подслушивающій разбиралъ только отдѣльныя слова; заслышавъ движеніе въ комнатѣ, онъ незамѣтно скрылся.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Салоны въ Германіи.

Ст. Диллетанта.

(Окончаніе.)

Мы уже упоминали о Генцѣ, который былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Рахили Варнхагенъ и котораго письма имѣютъ очень живой, непосредственный интересъ. Мы привели отрывки изъ письма Генца, гдѣ онъ называетъ себя женщиной. Въ этомъ отношеніи Генцъ не ошибся. Онъ былъ поэтомъ и поэтомъ-женщиной, — этотъ хитрый дипломатъ, котораго нервы были разстроены до крайнихъ предѣловъ свѣтскою жизнью, чувственностью, распутною жизнью, страстями, несбыточными надеждами, политической дѣятельностью. Жизнь его представляетъ совершенно необыкновенное явленіе, сотканное, можно сказать, изъ самыхъ крайнихъ противорѣчій: старца въ тридцать лѣтъ, юноши — въ шестьдесятъ, революціонера и друга Меттерниха, — онъ былъ въ одно и тоже время и плебеемъ и аристократомъ. Ранній бракъ, вскорѣ послѣдовавшій затѣмъ разводъ, долги, удовольствія свѣтской жизни, быстрый успѣхъ, блестящее положеніе, — вотъ начало карьеры Генца. Революція 1789 года приводитъ его въ восторгъ; онъ весь отдается ей, но вскорѣ отступаетъ передъ послѣдствіями ея. Развившись подъ вліяніемъ Канта, образованный Боркомъ, онъ оканчиваетъ свое политическое воспитаніе подъ руководствомъ второго Питта. На жалованьи у Англіи, другъ графа Стадіона и Меттерниха, онъ редактируетъ большинство прокламацій противъ Наполеона, въ 1813 году онъ написалъ знаменитый манифестъ Австріи и объявленіе войны императору французовъ отъ имени сѣверной коалиціи. Но когда затишье наступило, Генцемъ овладѣла какая-то апатія. Политическая интрига и дипломатическая дѣятельность были, такъ сказать, поэзіей его жизни; съ отсутствіемъ этой дѣятельности онъ не видѣлъ цѣли въ жизни. Но два событія возвратили ему энергію: іюльская революція и его любовь къ знаменитой Фанни Эльслеръ. Іюльская революція, уничтоживъ, такъ сказать, однимъ дуновеніемъ дѣло, въ пользу котораго онъ работалъ въ теченіи сорока лѣтъ, — дала ему урокъ скромности; Фанни же Эльслеръ принесла ему любовь: благодаря ей, шестидесятилѣтній дипломатъ почувствовалъ себя юнымъ. Эта любовь крайне характеристична и ярко выступаетъ въ его перепискѣ съ Рахилью фонъ-Энзе и служитъ лучшимъ дополненіемъ къ картинѣ умственнаго движенія Германіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Во время осады. (КАРТИНА НЕВИЛЛЯ.) Рѣзалъ на деревѣ Роберъ, въ Парижѣ.

Этотъ умный человѣкъ, боровшійся съ Наполеономъ, устроившій коалицію европейскихъ державъ противъ французской революціи, достигъ подъ конецъ такого нервнаго разстройства, что дрожалъ отъ страха всякій разъ, когда приходилось садиться въ лодку. Буря, раскатъ грома, молнія, дальній шумъ, солдатская физіономія, неизвѣстное лицо — наводятъ паническій страхъ на Генца. Въ дѣйствительной жизни гораздо больше невѣроятныхъ явленій, чѣмъ въ любомъ романѣ старой французской школы. Іюльская революція, точно молотомъ, ударяетъ по головѣ соскучившагося Генца; онъ просыпается и дрожитъ отъ удивленія и страха; почва, которую, какъ ему казалось, онъ укрѣпилъ, колеблется, все громадное политическое зданіе, надъ которымъ онъ работалъ съ такимъ усердіемъ, рушится съ трескомъ. Казалось бы, что старому дипломату, обличенному жизнью, остается только умереть со стыда и отчаянія. Но нѣтъ: онъ увидѣлъ танцовщицу, Фанни Эльслеръ и въ этотъ моментъ — будущее, прошедшее, политика, дипломатическія ноты и протоколы, сѣверъ въ опасности, народы въ броженіи, — все забыто, все исчезло. Вотъ что въ сентябрѣ 1830 года вслѣдъ за іюльскими днями Генцъ пишетъ г-жѣ Варнхагенъ:

«Вы будете удивлены, можетъ быть, ужаснетесь, когда я вамъ скажу, что я страстно влюбленъ, и что предметъ этой страсти есть молодая дѣвушка девятнадцати лѣтъ и кромѣ того танцовщица. Нужно, чтобъ я много разсчитывалъ не только на вашу снисходительность, но также на ваше великодушіе, на вашу умственную возвышенность, чтобъ не бояться подобнаго сознанія. Но если я вамъ скажу, что моя связь съ этой дѣвушкой освѣтила мою жизнь новымъ счастьемъ, невѣдомымъ мнѣ; что это блаженство возвратило меня къ здоровью и жизни — вы не только извините меня, но и согласитесь съ вашей всегдашней снисходительностью, что особа, которая способна была произвести подобное чудо, независимо отъ прелести, должна обладать спеціальными качествами, объясняющими такую необыкновенную связь... Теперь она въ Берлинѣ; безъ всякаго сомнѣнія, вы услышите объ ней. Я бы желалъ, чтобы вы видѣли ее, хотя бы даже въ театрѣ. Я знаю, что вы обращаете вниманіе на внѣшность и вы правы. Взгляните же на нее, умоляю васъ и скажите мнѣ, что вы о ней думаете...»

Вслѣдъ за отвѣтомъ Рахили онъ пишетъ ей: «Дружескій интересъ, съ которымъ вы выслушали мое сознаніе, очень меня тронулъ. Но удовольствіе, доставленное вами знакомствомъ съ Фанни, портретъ ея, сдѣланный вами, описаніе вашего перваго свиданія, — все это дѣйствуетъ на меня опьяняющимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе я не долженъ скрыть, что нѣкоторыя мѣста вашего письма сильно меня озадачили. Въ одномъ мѣсти вы выражаете удивленіе, какъ могъ я согласиться на поѣздку Фанни въ Берлинъ; затѣмъ (ударъ кинжала въ грудь!) вы угрожаете мнѣ блестящимъ ангажементомъ, предложеннымъ Фанни. У меня есть прекрасныя причины не вѣрить въ подобное рѣшеніе ея и я думаю, что она не приметъ никакого предложенія, могущаго удалить ее отъ меня на долгое время... Предложенія, однакожъ, могутъ быть настолько выгодными, что я самъ буду принужденъ, изъ деликатности, совѣтовать ей принять ихъ... Въ своемъ послѣднемъ письмѣ я объяснилъ вамъ характеръ нашей связи; всего, однакожъ, я не высказалъ вамъ. Теперь вамъ легко будетъ угадать всю истину. Да, дорогой другъ, вся страсть, бушующая во мнѣ, — не болѣе, какъ дѣтская игра въ сравненіи съ тѣмъ пожирающимъ пламенемъ, которое зажгла въ моемъ сердцѣ эта молодая дѣвушка... У меня нѣтъ времени описать вамъ подробно, какъ вы желаете, происхожденіе, развитіе этой страсти и событія, способствовавшія ей. Скажу вамъ одно: вы знаете теперь Фанни и вы понимаете, что она легко можетъ внушать самую безграничную любовь самымъ блестящимъ, умнымъ и молодымъ людямъ. Но она отказалась отъ всѣхъ нихъ и выбрала меня. Я не могъ предложить ей ни молодости, ни красоты, ни богатства, — ничего, однимъ словомъ, что можетъ прельстить молодую женщину и къ тому же танцовщицу. Разсудительные люди думаютъ и говорятъ (это связь является здѣсь предметомъ всѣхъ разговоровъ), что я обворожилъ ее своей болтовней... Уже одно это было бы довольно любопытно; — но не въ этомъ одномъ заключается вся истина. Я покорилъ ее всемогущимъ волшебствомъ моей любви. До знакомства со мною Фанни не подозрѣвала существованія подобнаго интенсивнаго чувства; это она не разъ говорила мнѣ... Въ этомъ-то и заключается разгадка этой тайны. Всѣмъ понятно, что я никогда не питалъ безумной претензіи быть вознагражденнымъ взаимностью въ строгомъ смыслѣ слова; мнѣ никогда не приходило въ голову, что она влюбится въ меня. Для меня было достаточно внушить ей чувство среднее между дружбой, благодарностью и любовью, и я успѣлъ въ этомъ, благодаря энергіи и настойчивости... Представьте же себѣ теперь мое счастіе, — счастіе имѣть страсть, въ родѣ моей страсти, въ мой возрастъ; подумайте только, въ какой высокой степени должно быть удовлетворено самолюбіе, — самолюбіе, присущее всякому смертному, въ особенности, когда этотъ смертный любитъ лесть, подобно вамъ и мнѣ; вообразите себѣ блаженство связи съ женщиной, въ которой все восхищаетъ меня; которой глаза, руки (обратите вниманіе на ея руки!), каждая черта заставляютъ меня мечтать цѣлыми часами, которой голосъ опьяняетъ меня и съ которой я разговариваю, какъ съ ученицей (потому что я съ отеческой заботой занимаюсь ея воспитаніемъ)... Представьте себѣ полноту подобнаго счастія... и вы поймете... впрочемъ, вы уже поняли: ваши письма доказываютъ это».

Читатель, конечно, интересуется знать, что обо всемъ этомъ думала г-жа Варнхагенъ. Не прошло еще и шести мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ іюльская революція потревожила Европу, Генцъ, поглощенный своею страстью къ Фанни, живя только ею, не хотѣлъ знать о томъ, что дѣлается въ политическомъ мірѣ. Г-жа Варнхагенъ была въ Берлинѣ и Генцъ писалъ ей: «Фанни, которая никогда не забудетъ, какъ вы были хороши и привѣтливы къ ней, напоминаетъ себя вашему вниманію. На будущей недѣли она выступитъ въ роли, которую вы такъ любите и которой я еще не знаю, въ ролѣ «Швейцарской молочницы». Пьеса эта идетъ въ ея бенефисъ... Такъ какъ первый танцоръ находится въ отпуску, то здѣсь мало даютъ балетовъ и я провожу вечера съ нею, по крайней мѣрѣ, тѣ вечера, которыми располагаю. Я учу ее по-французски и знакомлю ее съ нѣмецкой литературой и она ведетъ себя, какъ самый малый ребенокъ. Вотъ единственное занятіе, къ которому я не отношусь равнодушно; съ нею я забываю скуку, старость, смерть. Я смотрю на нее, какъ на даръ неба, какъ на весенній цвѣтокъ, распустившійся для меня одного... Развѣ я не правъ?»

На это письмо Рахиль Варнхагенъ отвѣчала слѣдующимъ посланіемъ: «Ваше письмо я разцѣловала, когда получила его; я была въ постели; я сѣла, прочитавъ письмо, пораженная удивленіемъ, восторгомъ и желаніемъ придти вамъ въ помощь. Дорогое, милое, вѣчное дитя. Одинъ только Тарквато Тассо у Гете можетъ, подобно вамъ, такъ всецѣло овладѣть сердцемъ, умомъ, всѣми способностями... Вы не несчастны, вѣрьте мнѣ; прочитайте, по крайней мѣрѣ, все мое письмо, прежде чѣмъ сказать, что вы несчастны. Прежде всего я должна вамъ сказать нѣсколько словъ о самомъ неизбѣжномъ, что существуетъ въ мірѣ, о смерти. Развѣ мы уже не умерли? Развѣ смерть удивительнѣе жизни? — жизни со всѣми ея позорными уступками, со всѣми неизбѣжными несчастіями! Жизнь, — это соединеніе всѣхъ разрозненныхъ клочковъ, — чего она хочетъ, къ чему стремится? Что же касается васъ, дорогой другъ, то вы молоды, потому что вы любимы: и вы счастливы. Другомъ вы имѣете меня. Вы имѣете всѣ чувства дѣтства, всѣ слабости юности! И вамъ нужны совѣты. Вамъ ихъ даютъ... чего же вамъ больше? Ничего не потеряно. Вы наверстаете потерянное время. Политическій міръ движется въ противоположную сторону; исчезнувшая революція возвращается; вы снова лицомъ къ лицу съ нею; не отталкивайте же ее отъ себя, ее и ея развитіе, не говорите: я не знаю тебя. Помните-ли вы Гамлета, который въ драмѣ Шекспира говоритъ: «то, что сегодня — парадоксъ, завтра будетъ общимъ мѣстомъ». Вокругъ себя вы видите множество старыхъ парадоксовъ, превратившихся теперь въ общія мѣста; они никогда не сдѣлаются снова парадоксами. Духъ вѣка есть не болѣе какъ рядъ индивидуальныхъ парадоксовъ, превратившихся въ общее убѣжденіе. Прислушайтесь же къ этому могучему шуму, пусть онъ поправитъ вашу дѣятельность... Проснитесь!»

Изъ этого письма видно, какое странное разногласіе существовало между Генцемъ и г-жею Варнхагенъ. Первый былъ приверженцемъ политики Меттерниха; вторая была искренне либеральна. Не осуждая его любви къ Фанни, г-жа Варнхагенъ старалась толкнуть его снова на дипломатическое поприще, отъ котораго онъ отказывался, тѣмъ болѣе, что считалъ себя побѣжденнымъ. Слѣдующее письмо, написанное черезъ нѣсколько дней послѣ перваго, замѣчательно въ этомъ отношеніи: «Общественная жизнь должна служить вамъ рычагомъ; побѣдите ваше отвращеніе; идите впереди общественнаго мнѣнія. Боритесь съ событіями, не выпускайте изъ рукъ меча. Бросайтесь въ борьбу, не считайте себя побѣжденнымъ: вы принадлежите къ числу тѣхъ воиновъ, которымъ суждено побѣждать. Въ особенности не говорите о себѣ съ апатіей! Постарайтесь не видѣть въ современномъ мірѣ одинъ только хаосъ; показывайте людямъ путь, по которому они должны идти... Обязанности будущаго общества видны намъ, но подъ маской. Стыдитесь этой маски, скрывающей истину отъ другихъ; сорвите ее; берите смѣло мечъ... Легко вамъ говорить все это! скажете, можетъ быть, вы. — Но Фанни жива; поговорите съ ней объ этомъ. Она была съ нами, когда извѣстіе о революціи въ Варшавѣ упало среди насъ, какъ громъ... Графъ Мелезино пріѣхалъ къ намъ и разсказалъ намъ о только-что возникшихъ событіяхъ: я была въ страшномъ волненіи, сердце сжалось во мнѣ; это болѣзненное чувство и понынѣ осталось во мнѣ. Вы видите, что объ этомъ я не говорю съ удовольствіемъ и что революціи не восхищаютъ меня. Болѣе всего я боюсь народа, стада быковъ и сумасшествія: эти три вещи всегда внушаютъ мнѣ ужасъ... Весьма вѣроятно, что я буду мученицей одной изъ этихъ революцій и что я потеряю все, что мнѣ дорого. И не смотря на все это, я вѣрю въ будущее міра!.. Вамъ же я говорю: вы будете руководителемъ движенія, когда захотите имъ быть. Ахъ, какъ хотѣла бы я видѣть васъ теперь и поговорить съ вами! Я простая женщина и вовсе не какая-нибудь Ментенонъ, но я умѣю предвидѣть; вы знаете, что будущее по временамъ открывается моему умственному взору. Сколько разъ я предсказывала вамъ то, что должно было случиться впослѣдствіи?.. Помните-ли вы то, что однажды разсказывали мнѣ въ Прагѣ о томъ, какъ вы составили грандіозный

планъ? Вы сообщали его принцу Меттерниху, который, не говоря ни слова, направился къ своему бюро и вынулъ оттуда подобный же планъ, давнымъ-давно уже составленный. Это былъ планъ германской лиги... Дѣйствуйте и вы успѣете, я въ этомъ увѣрена... Идите впередъ и все будетъ хорошо. Зачѣмъ отчаяваться въ себѣ? Посмотрите лучше на меня: сколько болѣзней, сколько несчастій пережила я въ эти послѣднія десять лѣтъ! Но я не упала духомъ, я продолжаю бороться. Вотъ ужь болѣе двадцати лѣтъ, какъ я не испытала ни одного личнаго удовлетворенія. Но нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ,—я не отступлю отъ борьбы... Вы говорите, что работали втеченіе сорока лѣтъ; конечно, это много. Но посмотрите только, что далъ вамъ этотъ трудъ: комфортъ, роскошь, богатство, извѣстность. Нужно-ли напоминать вамъ обо всемъ этомъ? Шекспиръ говорилъ: «Часто паденіе служитъ средствомъ подняться болѣе гордымъ и великимъ!» И такъ идите впередъ съ надеждой на успѣхъ. Не бойтесь ничего; направьте міръ на новый путь и вы увидите, что произойдетъ, скверный, старый ребенокъ» (böses, altes Kind).

Изъ этого письма видно, до какой степени г-жа Варнхагенъ боялась результатовъ любви Генца къ Фанни Эльслеръ. Она старалась возбудить его честолюбіе, надѣлить его смѣлостью, возвратить его къ дипломатической дѣятельности. Но Генцъ не слушалъ ее; онъ дремалъ, убаюканный мизантропіей и любовью. Европейскія революціи не интересовали его. Весь міръ сосредоточился для него въ Фанни Эльслеръ. Это отвращеніе ко всему, что не было Фанни Эльслеръ, выражено вполнѣ въ предпослѣднемъ его письмѣ:

«Вотъ уже болѣе полугода, какъ мы не пишемъ другъ другу; конечно, въ этомъ я виноватъ, но еще болѣе виноватъ этотъ ужасный вѣкъ, въ которомъ мы живемъ и который не благопріятствуетъ отношеніямъ, какія существуютъ между нами. Съ каждымъ днемъ міръ дѣлается печальнѣе и печальнѣе, никто не знаетъ, въ настоящее время ни судьбы своей родины, ни своей собственной судьбы; никто не знаетъ къ какой партіи пристать. Мнѣнія, стремленія, потребности такъ странно перемѣшались въ этомъ всеобщемъ хаосѣ, что едва-ли можно различить друзей отъ враговъ. Это война всѣхъ противъ всѣхъ... Къ нравственнымъ ранамъ присоединяются еще матеріальныя бѣдствія и то, что революціи и война не уничтожили, — уноситъ холера. При такихъ условіяхъ мнѣ кажется не безполезнымъ, отъ времени до времени, давать вѣсточку о себѣ друзьямъ и спрашивать ихъ издалека: «Что подѣлываешь?».. Я здоровъ и это уже много; моя однообразная жизнь дѣлится на двѣ неравныя части. Отъ семи часовъ утра до восьми вечера мое время поглощено дѣлами, дѣловыми разговорами, кореспонденціей и пр.; съ восьми до одинадцати вечера я провожу время съ Фанни. Я освободился отъ всего безполезнаго, лишняго; я вожусь только съ тѣми лицами, которыя мнѣ рѣшительно необходимы. Я не могу говорить вамъ здѣсь о томъ, какъ много я принужденъ страдать втеченіе дня и въ особенности, отъ десяти часовъ до трехъ: подумайте только, что теперь всякая депеша, которую я пишу или которую я читаю, приноситъ мнѣ невыносимыя страданія... Все убѣждаетъ меня въ близости всеобщей катастрофы, все заставляетъ ее предполагать: подумайте только, это я, который прежде принадлежалъ къ самымъ довѣрчивымъ оптимистамъ, теперь сдѣлался самымъ отчаяннымъ мизантропомъ и песимистомъ. Вспомните только, что каждое утро приноситъ мнѣ страшную увѣренность, что всѣ наши поступки, что вся наша дѣятельность — безусловно безполезны, что міръ безвозвратно погибаетъ и что все приближаетъ насъ къ смерти. Обязательное чтеніе десяти или одиннадцати проклятыхъ газетъ наполняетъ пустоту этихъ часовъ и окончательно меня разстроиваетъ... Одна только Фанни примиряетъ меня съ жизнью. Я все больше и больше люблю ее. Не только моя страсть къ ней не ослабла, но еще больше увеличилась чувствомъ покоя, взаимнаго довѣрія, которое такъ рѣдко встрѣчается даже въ любви. Этимъ невыразимымъ блаженствомъ, единственнымъ остаткомъ изъ того, что осталось отъ моего кораблекрушенія, — я обязанъ ей. Она должна возвратиться въ Берлинъ въ половинѣ сентября и хотя мысль объ этой разлукѣ раздираетъ мнѣ сердце, — я не хочу и не могу препятствовать этому путешествію. Въ послѣдніе годы Фанни сдѣлала огромные успѣхи въ своемъ искуствѣ; въ настоящее время, по моему мнѣнію, она — первая танцовщица въ мірѣ. Передъ нею открывается блестящее поприще...»

Спустя два мѣсяца послѣ этого письма, онъ умеръ «на глазахъ и въ объятіяхъ той, которую онъ такъ любилъ», пишетъ г-жа Варнхагенъ. Нелюбопытное-ли явленіе представляетъ собой этотъ странный эпизодъ изъ жизни Генца? И не любопытно-ли, что эта страстная исповѣдь любви стараго дипломата встрѣтила такое сочувствіе въ благоразумной, но мечтательной старухѣ, Рахили Варнхагенъ фонъ-Энзе, которой тогда было уже болѣе пятидесяти лѣтъ?

Подобная живучесть натуры мѣшаетъ стариться. Рахиль и въ шестьдесятъ лѣтъ имѣла улыбку и иллюзіи молодой дѣвушки. «Зачѣмъ говорите вы объ разочарованіи? — писала она, — для невиннаго человѣка, т. е. для такого, который сознаетъ, что прожилъ, не вредя ближнему,— жизнь сохраняетъ свои прелести. Вы находите человѣчество безобразнымъ, жалкимъ? Почему? Развѣ розовый кустъ кажется вамъ безобразнымъ отъ того, что изъ двадцати розъ, цвѣтущихъ на немъ, найдутся двѣ или три некрасивыя или неправильныя?» Въ другомъ письмѣ она серьезно увѣряетъ, что молодость права, когда видитъ все въ розовомъ свѣтѣ, что то, что мы называемъ жизненнымъ опытомъ, только портитъ насъ. Ей было тогда шестьдесятъ два года и она быстро приближалась къ смерти. Генрихъ Гейне, узнавъ, что докторъ приказалъ прикладывать ей къ глазамъ свѣжіе лепестки розъ, прислалъ ей сборникъ своихъ стихотвореній въ корзинѣ, наполненной розами...

Невидимое око или гостинница трехъ повѣшенныхъ.

Разсказъ **Эркмана-Шатріана**. Пер. г-жи **Минутъ**.

Глава I.

— Въ тѣ времена, такъ началъ Христіанъ свой разсказъ, я былъ голъ, какъ соколъ, и укрывался на чердакѣ одного стараго дома въ улицѣ Миннезингеровъ въ Нюренбергѣ. Я пригнѣздился въ уголку подъ крышей. Стѣны были сланцеватыя, а балка замѣняла потолокъ. Чтобы добраться до окошка, приходилось карабкаться по настилкѣ половъ, но за то изъ этого окошка былъ великолѣпный видъ; оттуда я видѣлъ весь городъ и деревни; я видѣлъ, какъ кошки важно прогуливались по крышамъ, аисты съ лягушками въ клювахъ несли кормъ своимъ прожорливымъ семьямъ; голуби весело вылетали изъ голубятни, распускали хвостъ вѣеромъ и кружились на улицѣ. Вечеромъ, когда колоколъ призывалъ богомольцевъ въ церковь, я, облокотясь на край крыши, слушалъ меланхолическое пѣніе, и глядѣлъ, какъ въ окнахъ зажигались огни, добрые граждане покуривали свои трубочки, а молодыя дѣвушки въ короткихъ красныхъ юбкахъ собирались съ кувшинами около фонтана, весело смѣялись и болтали. Мало-по-малу все стихало, летучія мыши выбирались на божій свѣтъ и я засыпалъ тихо и мирно. Старьевщикъ Тубакъ зналъ дорогу въ мою клѣтушку не хуже меня самого и не боялся труда карабкаться по узенькой лѣсенкѣ. Каждую недѣлю его козлиная голова, украшенная старымъ рыжимъ парикомъ появлялась у меня и, уцѣпившись руками за желѣзную скобу, онъ гнусливо спрашивалъ меня:

— Ну, Христіанъ, нѣтъ-ли чего новенькаго? На это обыкновенно я возражалъ такъ:

— Войдите же, чортъ возьми, войдите, я кончаю маленькій пейзажъ, скажите мнѣ свое мнѣніе.

Тогда длинная худая спина его выпрямлялась и добрый человѣкъ созерцалъ мою работу, посмѣиваясь. Я долженъ отдать справедливость Тубаку, онъ никогда не торговался со мной. Онъ скупалъ всѣ мои произведенія по пятнадцати флориновъ каждое и продавалъ по сорока. Онъ былъ честный жидъ. Жизнь такого рода полюбилась мнѣ, я каждый день находилъ въ ней новыя прелести, какъ вдругъ добрый городокъ Нюренбергъ всполошился страннымъ, таинственнымъ событіемъ. Недалеко отъ моего слухового окна возвышался трактиръ «Жирнаго Быка», старый трактиръ, привлекавшій посѣтителей со всей мѣстности. У подъѣзда то и дѣло стояли три или четыре дорожныя повозки, нагруженныя мѣшками и боченками, такъ какъ крестьяне прежде чѣмъ въѣхать на базаръ имѣли привычку заѣхать въ трактиръ выпить кружку вина.

Лицевой фасадъ трактира выдавался своей странной формой: онъ былъ очень узокъ, съ остроконечной кровлей; окошки украшались причудливой рѣзьбой. Но всего замѣчательнѣе то, что противуположный домъ былъ его точнымъ воспроизведеніемъ съ такой же крышей, съ такими же украшеніями, для полнаго сходства не доставало только вывѣски. Одинъ домъ былъ, такъ сказать, отраженіемъ другого. За трактиромъ возвышался величественный дубъ и его густая листва прикрывала черепицу кровли, тогда какъ противуположный домъ, не имѣя такого покрова, рѣзко выдѣлялся своей странной крышей. Короче сказать, насколько трактиръ «Жирнаго Быка» былъ оживленъ и шумливъ, на столько же другой домъ поражалъ своей тишиной. На одной сторонѣ улицы безпрестанно сновали съ пѣснями и шумомъ, на другой царствовало полнѣйшее спокойствіе. Самое большое раза два въ день отворялись тяжелыя двери тихаго дома и выходила оттуда маленькая старушка, худая, съ длиннымъ лицомъ и острымъ подбородкомъ, въ плотно обтягивающемъ ее платьѣ съ корзиной въ рукахъ.

Меня часто поражало лицо этой старухи: ея маленькіе зеленые глазки, ея тонкій носъ, ея шаль съ большими разводами, какъ то было въ модѣ, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ тому назадъ, улыбка ея морщинистыхъ губъ и кружево ея чепца, все мнѣ казалось необыкновеннымъ и все это меня занимало; мнѣ хотѣлось дознаться, что это была за старуха и что она дѣлала въ этомъ пустынномъ домѣ. Мнѣ казалось ея существованіе полнымъ добрыхъ дѣлъ и благочестивыхъ помышленій. Но вотъ какъ-то разъ я остановился на улицѣ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, она внезапно обернулась и взглянула на меня такимъ страннымъ и дикимъ взоромъ, котораго я не въ силахъ описать, и при этомъ сдѣлала мнѣ ужасную гримасу; потомъ, опустивъ свою трясущуюся голову, подобрала шаль, волочившуюся по землѣ, и проворно скрылась за тяжелой дверью.

«Эта старуха съумасшедшая, подумалъ я въ изумленіи, рѣшительно съумашедсшая злая и хитрая. Напрасно я заинтересовался ею. Хотѣлось бы мнѣ еще увидѣть ея гримасу. Тубакъ съудовольствіемъ заплатилъ бы мнѣ пятнадцать флориновъ». Однако, мои размышленія не очень-то меня успокоивали. Меня преслѣдовалъ ужасный взглядъ старухи и нѣсколько разъ, когда я взбирался по

отвѣсной лѣстницѣ моей конуры и мнѣ случалось зацѣпиться за что-нибудь, мнѣ казалось, что старуха ухватилась за полы моего платья, чтобы уронить меня.

Тубакъ, которому я разсказалъ эту исторію, не только не посмѣялся надъ ней, но сказалъ мнѣ съ важнымъ видомъ:

— Слушай, Христіанъ, если старуха задумаетъ до тебя добраться, берегись! у нея зубы крѣпкіе, острые и удивительной бѣлизны; это неестественно въ ея годы. У нея худой глазъ. Отъ нея прячутся всѣ ребята и нюренбергцы прозвали ее: Нетопыремъ.

Я изумился проницательности жида и его слова заставили меня призадуматься; но, спустя нѣсколько недѣль, часто встрѣчая Нетопыря безъ непріятныхъ для меня послѣдствій, я разсѣялъ свой страхъ и больше не думалъ объ ней.

Но вотъ однажды, когда я спалъ крѣпкимъ сномъ, мнѣ послышались странные звуки: что-то до того нѣжное, мелодичное, что шелестъ вѣтерка въ листвѣ можетъ дать объ этомъ лишь слабое понятіе. Долго, долго, сдерживая дыханіе, я прислушивался съ открытыми глазами. Наконецъ, я обернулся къ окну и увидѣлъ два крыла, слегка бьющіяся о стекло. Я сначала подумалъ, что это летучая мышь, но когда вышла луна, я увидѣлъ крылья великолѣпной ночной бабочки, прозрачныя, какъ кружево, ясные оттѣняющія своими искрометными узорами. Движенія этихъ крылышекъ были иногда такъ часты, такъ быстры, что ихъ невозможно было уловить; потомъ движеніе прекращалось, они какъ бы отдыхали, ложась на стекло, и снова ясно рисовались ихъ хрупкія жилки. Это туманное явленіе среди общей тишины наполнило мою душу сладкимъ волненіемъ; мнѣ казалось, ко мнѣ слетѣла легкая сильфида, тронутая моимъ уединеніемъ, и эта мысль меня разнѣжила до слезъ.

— Будь покойна, милая плѣнница, говорилъ я ей, будь покойна, я не обману твоего довѣрія, я не буду тебя удерживать противъ воли, вернись къ небу, къ свободѣ!

Я открылъ окно. Ночь была тиха. Тысячи звѣздъ мерцали въ пространствѣ. Нѣсколько мгновеній я созерцалъ это величественное зрѣлище и уста мои шептали слова молитвы. Судите теперь о моемъ изумленіи, когда, опустивъ глаза, я увидѣлъ человѣка, висящаго на желѣзной перекладинѣ вывѣски «Жирнаго Быка», волосы этого человѣка были растрепаны, руки окоченѣли, ноги съ вытянутыми носками бросали длинную гигантскую тѣнь въ глубину улицы! Неподвижность этой фигуры подъ лучами луны производило ужасное впечатлѣніе. У меня примерзъ языкъ къ гортани и зубъ на зубъ не попадалъ. Я хотѣлъ крикнуть, но не знаю, по какому-то таинственному притяженію я взглянулъ ниже и едва различилъ старуху, сидѣвшую на корточкахъ у окна подъ навѣсомъ и созерцавшую повѣшеннаго съ видомъ дьявольскаго удовлетворенія.

Тутъ у меня занялся духъ отъ ужаса; силы меня покинули и, прислонившись къ стѣнѣ, я лишился чувствъ.

Не умѣю сказать, долго-ли длился этотъ мертвящій сонъ. Когда я пришелъ въ себя, былъ уже день. Ночной туманъ повѣялъ въ моей коморкѣ и оставилъ на моихъ волосахъ свой свѣжій слѣдъ, съ улицы доносился до меня смутный шумъ, я посмотрѣлъ въ окно.

Бургомистръ съ секретаремъ стояли у дверей гостинницы; прошло порядочно времени; люди входили и уходили, останавливались, глядѣли и снова уходили. Добрыя сосѣдки, выметая возлѣ своихъ дверей, издали поглядывали и болтали между собой. Наконецъ, появились носилки и на нихъ вынесли тѣло, покрытое сукномъ. Носильщики пошли по улицѣ, а шедшія въ школу дѣти побѣжали за ними. Всѣ разошлись.

Окно напротивъ было еще открыто; обрывокъ веревки болтался на перекладинѣ; я не грезилъ, я точно видѣлъ большую ночную бабочку, повѣшеннаго и старуху! Въ этотъ день ко мнѣ зашелъ Тубукъ; его длинный носъ появился вровень съ моимъ поломъ.

— Христіанъ, спросилъ онъ, ничего нѣтъ на продажу?

Я его не слышалъ, я сидѣлъ на моемъ единственномъ стулѣ, упершись руками въ колѣни и уставивъ глаза въ пространство. Удивленный моей неподвижностью, Тубакъ спросилъ еще громче:

— Христіанъ, а Христіанъ! Потомъ, перебравшись черезъ порогъ, онъ безъ церемоніи меня ударилъ по плечу.

— Ну, ну, что съ тобой?

— Ахъ, Тубакъ, это ты?

Къ ст. Невидимое око.) — Ну, Христіанъ, нѣтъ ли чего нибудь новенькаго?...

— Ну, разумѣется, я. Что вы больны?

— Нѣтъ, я думаю.

— Да о чемъ вы думаете, чортъ возьми?

— О повѣшенномъ.

— А, а, такъ вы его видѣли, сказалъ старьевщикъ. Бѣдный молодой человѣкъ! Вотъ удивительная исторія: третій на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Какъ третій?

— Ну да. Я долженъ былъ васъ предупредить. Ну, да еще время не ушло; найдется навѣрное и четвертый, который послѣдуетъ примѣру трехъ; только первый шагъ труденъ. Говоря такимъ образомъ, Тубакъ усѣлся на мой сундукъ, высѣкъ огня, закурилъ трубку и задумчиво сталъ пускать кольца дыма.

— Да, сказалъ онъ, я не труслив, но если бы мнѣ предложили провести ночь въ этой комнатѣ, я предпочелъ бы повѣситься въ другомъ мѣстѣ... Слушайте, Христіанъ: восемь или девять мѣсяцевъ тому назадъ пріѣхалъ изъ Тюбингена торговецъ мѣховъ и остановился въ гостинницѣ «Жирнаго Быка». Онъ приказалъ подать ужинъ, плотно поѣлъ, хорошо выпилъ, для ночлега ему отвели комнату въ третьемъ этажѣ, такъ называемую зеленую комнату, а на другой день его нашли повѣсившимся на перекладинѣ вывѣски! Ну ладно,—разъ вышелъ такой случай, толковать нечего. Составили протоколъ и пріѣзжаго похоронили въ саду. Но вотъ, спустя шесть недѣль, пріѣхалъ молодецъ, военный, изъ Ньюштадта. Онъ вышелъ въ чистую отставку и радовался, что увидитъ свою родную деревню. Цѣлый вечеръ, осушая чарку за чаркой, онъ только и толковалъ о своей кузинѣ, которая ждала его, чтобы повѣнчаться. Наконецъ, его уложили на кровать, гдѣ до него спалъ толстый торговецъ, и въ туже ночь сторожъ, обходя улицу Миннезингеровъ, замѣтилъ что-то висящее на перекладинѣ. Онъ поднялъ фонарь выше: то былъ военный молодецъ и на лѣвомъ бедрѣ у него была прицѣплена манерка, гдѣ лежала его чистая отставка, а руки вытянуты по швамъ, какъ на смотру! На этотъ разъ всѣ были поражены!

Бургомистръ кричалъ и бѣсновался. Осмотрѣли комнату. Перештукатурили стѣны и въ Ньюштадтъ послали свидѣтельство о смерти солдата. Въ бумагѣ регистраторъ проставилъ: умеръ отъ удара! Весь Нюренбергъ вознегодовалъ на трактирщика. Находились люди, которые хотѣли заставить его снять перекладину вывѣски подъ предлогомъ, что она внушаетъ опасныя мысли. Но вы понимаете, что старый Никель Шмитъ въ такомъ случаѣ былъ тугъ на ухо. «Эта желѣзная закрѣпка, сказалъ онъ, была придѣлана моимъ дѣдомъ. Она поддерживаетъ вывѣску «Жирнаго Быка» впродолженіи стапятидесяти лѣтъ. Она никому не мѣшаетъ, подъ ней свободно проходятъ даже возы съ сѣномъ, она придѣлана довольно высоко. Кому она не по вкусу, тотъ пусть на нее не смотритъ».

Кончилось тѣмъ, что всѣ успокоились и впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не произошло ничего новаго.

Надо же быть грѣху. Третьяго дня остановился въ гостинницѣ студентъ гейдельбергскаго университета. Онъ былъ сынъ пастора. Ну, какъ предположить, что пасторскому сыну придетъ въ голову мысль повѣситься на этой перекладинѣ, только потому что на ней повѣсились купецъ и военный? Надо сознаться, Христіанъ, дѣло невѣроятное. Эти причины не убѣждаютъ ни васъ, ни меня. И такъ..

— Довольно, довольно, вскричалъ я, это ужасно! Я тутъ подозрѣваю ужасную тайну. Тутъ дѣло не въ перекладинѣ и не въ комнатѣ.

— Такъ неужто вы подозрѣваете трактирщика? Это честнѣйшій человѣкъ и принадлежитъ къ одной изъ самыхъ старинныхъ фамилій въ Нюренбергѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ заявлять несправедливыя подозрѣнія; но есть тайны не доступныя нашему пониманію.

— Вы правы, сказалъ Тубакъ, удивленный моей пылкостью; потолкуемъ о другомъ... Ахъ, кстати, Христіанъ, а чтоже нашъ пейзажъ св. Одили.

Этотъ вопросъ меня вернулъ къ дѣйствительности. Я показалъ старьевщику картину, которую уже оканчивалъ. Сдѣлка была скоро заключена и Тубакъ, очень довольный, собрался уходить, убѣждая меня не думать о гейдельбергскомъ студентѣ.

Я бы охотно послѣдовалъ совѣту старьевщика, но когда дьяволъ замѣшается въ людскія дѣла, то тутъ не скоро выпутаешься.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Христосъ и дочь Іаира. (КАРТИНА ГАБРІЕЛЯ МАКСА.) Рѣзалъ на деревѣ г. Рихтеръ въ С.-Петербургѣ.

Воспоминанія объ Илійской долинѣ.

(Изъ записокъ русскаго путешественника.)

Ст. Н. Стремоухова.

(*Окончаніе.*)

За рѣкою Хоргосъ дорога гораздо шире и лучше, мѣстность же болѣе населена и имѣетъ видъ болѣе обработанный. Передъ разрушеннымъ городомъ Чимпандзе, имѣвшимъ когда-то чуть-ли не сто тысячъ жителей, намъ привелось въ первый разъ увидѣть въ тюбетейкахъ *) и въ длинныхъ халатахъ таранчей и ихъ низенькія, но очень тяжелыя и неуклюжія арбы **), которыя медленно тащили по парно запряженные волы и коровы, а у пикета Альметинскаго темнолицыхъ дунганъ съ длинными косами и въ короткихъ синихъ курточкахъ.

Слѣдующій затѣмъ привалъ мы сдѣлали въ дунганской крѣпости Чанчаходзи, взятой русскими въ 1871 году штурмомъ. Китайскія башеньки надъ воротами, мечети, построенныя изъ обожженнаго кирпича и изукрашенныя разными лѣпными фресками, темныя харчевни, пропитанныя удушающимъ, трудно выносимымъ запахомъ, арки съ драконами, рѣзными фигурами и цвѣтами, наконецъ, буддійская кумирня съ огромными китайскими фонарями и разнообразными фресками у карниза,—придаютъ городу видъ необыкновенно оригинальный. Окруженная четырехъугольною высокою стѣною, крѣпость эта стоитъ на рѣкѣ Учъ-Булакъ и имѣетъ одну большую улицу и нѣсколько маленькихъ, въ видѣ узкихъ коридоровъ, и базаръ бѣдный и грязный. Очень похожимъ на крѣпость Чанчаходзи показался мнѣ, не далеко отъ нея отстоящій, небольшой городокъ Суйдунъ. Разница только въ томъ, что Суйдунъ обширнѣе, красивѣе построенъ и чище.

Измученные страшною жарою мы съ азартомъ накинулись на виноградъ, дыни и другіе фрукты, которыми Суйдунъ изобилуетъ. Слѣдуя по песчанымъ холмамъ, мы достигли станціи Байданъ и, проѣхавъ уже по хорошо шоссированному пути мимо многочисленныхъ китайскихъ и дунганскихъ хуторовъ и кургановъ, съ наступленіемъ ночи въѣхали въ Кульджу.

Неясныя очертанія высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ и всевозможныхъ построекъ, окруженныхъ тѣнистою зеленью,—вотъ все, что я успѣлъ замѣтить при въѣздѣ въ столицу Илійской долины, такъ какъ темнота и густой туманъ не дозволили приглядѣться къ внѣшнему виду города.

Когда мы вошли при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчей въ крошечныя и до нельзя душныя каморки станціоннаго дома, большею частью уже занятыя пріѣзжими, и взглянули на грязныя, положительно дышавшія отъ насѣкомыхъ постели, то невольно вздрогнули при мысли—провести цѣлую ночь въ этой трущобѣ, что показалось труднѣе, чѣмъ переплыть сто Усековъ и Хоргосовъ. И въ эту-то критическую минуту неожиданно предстало избавленіе въ лицѣ деньщика полковника Бернарда Федоровича Вартмана. Гостепріимный комендантъ Кульджи и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ всего кульджинскаго района, случайно провѣдавъ о моемъ прибытіи, предупредительно приглашалъ на жительство къ себѣ. Снова одѣться, собрать всѣ пожитки и выскочить на станціонный дворъ—было дѣломъ одной минуты. Въ просторныхъ старомодныхъ дрожкахъ, бывшихъ въ давно минувшее время во всеобщемъ употребленіи подъ названіемъ «питаръ», мы переѣхали въ русскую часть города, уже начавшую обстраиваться по европейскому образцу; по тѣнистой, прекрасной аллеѣ миновали небольшую рощицу и подкатили къ крытому, украшенному рѣзьбою, подъѣзду хотя простенькаго, тѣмъ не менѣе прехорошенькаго и веселенькаго домика, гдѣ и были встрѣчены ласковымъ, добрымъ хозяиномъ. Съ какимъ апетитомъ уничтожилъ я предложенный мнѣ ужинъ, показавшійся мнѣ вкуснѣе всѣхъ самыхъ затѣйливыхъ блюдъ Бореля и Дюссо! Съ какимъ наслажденіемъ растянулся на мягкой постели въ довольно обширномъ флигелѣ, который хозяинъ не замедлилъ отдать въ полное мое распоряженіе.

«О какихъ пустякахъ толкуетъ онъ!»—навѣрно подумаете вы, любезные читатели, досадуя на мою болтовню.

Спорить не буду—въ сущности, это пустяки, и быть такого мнѣнія имѣетъ право всякій, кто не испыталъ всѣхъ лишеній и трудностей, съ которыми всегда сопряжены путешествія въ далекія и малоизвѣстныя страны, еще не осчастливленныя вниманіемъ европейской цивилизаціи. Но, я убѣжденъ, совершенно иначе разсудятъ тѣ, которые верхомъ на конѣ или верблюдѣ, или сидя въ тарантасѣ, измѣряли неизмѣримыя степи востока, испробовали песочныхъ бурановъ, пріучили свое тѣло къ сорока-градусной жарѣ и окрѣпли духомъ противъ всякихъ нежданныхъ и негаданныхъ напастей. Любой путешественникъ согласится со мною, что встрѣтить европейскій комфортъ тамъ, гдѣ его меньше всего ожидаешь, можно сравнить только съ крупнымъ выигрышемъ, ну хотя бы двухъ сотъ тысячъ, полученнымъ въ минуту крайней нужды. Именно такое-то чувство испытывалъ и я, пользуясь гостепріимствомъ полковника Вартмана. Но вернемся къ прерванному разсказу.

На слѣдующее утро не успѣлъ я хорошенько протереть глаза, какъ передо мною явился молодой, съ весьма добродушною и привлекательною наружностью офицеръ, оказавшійся адъютантомъ полковника. Онъ имѣлъ порученіе отъ внимательнаго Бернарда Федоровича показать мнѣ весь городъ со всѣми его достопримѣчательностями, чѣмъ я и не замедлилъ воспользоваться. Дни я употреблялъ на знакомство съ городомъ и его окрестностями, а вечера на пріятную, поучительную и крайне интересную бесѣду съ полковникомъ.

Со всѣхъ сторонъ огражденный не высокою глиняною стѣною, городъ Кульджа расположенъ въ недалекомъ разстояніи отъ праваго берега р. Или; вода проведена въ него посредствомъ арыковъ изъ рѣчки Кашъ *) и изъ ключей Карасу. Какъ городъ, такъ и пригороды совершенно утопаютъ въ густой зелени многочисленныхъ садовъ; въ центрѣ возвышается цитадель, содержащая въ себѣ бывшій дворецъ султана, главную мечеть и главный базаръ. Въ общемъ Кульджа сильно смахиваетъ на всѣ средне-азіятскіе города: тѣ же узкія, кривыя и грязныя улицы, тотъ же непонятный лабиринтъ низкихъ мазанокъ, обращенныхъ дверями и окнами во внутренніе дворы, тѣ же дымныя чайхане **), ящикообразныя лавки и т. д. и т. д. Впрочемъ, есть и разница и весьма существенная, а именно: почти всѣ зданія, въ особенности старинныя, носятъ на себѣ отпечатокъ китайщины. Господство китайцевъ, не коснувшись образа жизни жителей, сильно отозвалось на внѣшности города ***). Минареты выстроены въ нѣсколько ярусовъ; стѣны мечетей и другихъ построекъ покрыты затѣйливою рѣзьбою и изящными лѣпными украшеніями; черепичныя крыши всѣ безъ исключенія имѣютъ загнутые кверху края; повсюду виднѣются драконы и разныя чудовища, раскрашенныя самыми яркими красками; на столбахъ, колоннахъ, карнизахъ качаются пестрые фонари и развѣваются флаги; всевозможныя арки и башеньки красуются чуть-ли не на каждомъ перекресткѣ; а сады наполнены богатыми колекціями цвѣтовъ, которые даже на базарахъ продаются, чего нельзя встрѣтить въ чисто мусульманскихъ городахъ. Когда мы попали на большой кульджинскій базаръ, меня болѣе всего поразило разнообразіе племенъ и нарѣчій и пестрота одеждъ. Таранчи, какъ истый мусульманинъ, важно выступаетъ въ своемъ длинномъ полосатомъ халатѣ, съ чалмою на головѣ; торопливою побѣжкою его обгоняетъ татаринъ въ неизмѣнномъ бешметѣ и барашковой шапкѣ; тутъ же, гордо поднявъ голову съ длинною косою, медленно двигается рослый и плечистый дунганъ въ синей курткѣ съ узкими рукавами поверхъ оригинальнаго бѣлаго костюма и въ маленькой, черненькой сѣтчатой шапочкѣ; съ ними вмѣстѣ толкаются дикіе тарангауты, чахаръ-калмыки, сибо, солоны и киргизы. Въ той же толпѣ можно увидѣть и таранчинку, сверху до низу завернутую въ синій халатъ, съ черною сѣткою на лицѣ, и полную, бойкую дунганку въ костюмѣ, мало отличающемся отъ мужского. Среди нихъ, какъ утки, переваливаются на крошечныхъ, копытообразныхъ, искалѣченныхъ ногахъ желтолицыя китаянки въ яркихъ, шелковыхъ нарядахъ и фантастическихъ головныхъ уборахъ, съ разрисованными вѣерами и соломенными хитросплетенными зонтиками. И китайцы снуютъ въ громадныхъ, блюдамъ подобныхъ, круглыхъ, соломенныхъ шляпахъ. И вдругъ появляется въ бѣлой рубахѣ, кожанныхъ красныхъ шароварахъ и бѣлой фуражкѣ стройная и ловкая фигура русскаго солдатика. Однимъ словомъ, столпотвореніе вавилонское.

Главный базаръ составленъ изъ трехъ рѣзко одно отъ другого отличающихся отдѣленій: таранчинскаго, дунганскаго и китайскаго.

По просьбѣ любознательнаго муллы, мы завернули въ дунганскую чайхане. Харчевня была полна посѣтителей, сидѣвшихъ на низенькихъ скамейкахъ передъ низенькими столиками. Меня очень удивило искуство, съ которымъ обѣдавшіе при помощи двухъ костяныхъ палочекъ спроваживали въ ротъ разсыпчатый рисъ, — ни одно зернышко не падало мимо. Едва мы успѣли переступить черезъ порогъ, какъ къ намъ подскочилъ дунганскій поваръ, весь въ бѣломъ, съ засученными рукавами и цѣлымъ арсеналомъ палочекъ и ножей за кожаннымъ поясомъ.

— Что угодно? спросилъ онъ. Мулла на удачу назвалъ лапшу. Захвативъ изъ большого котла порядочную горсть приготовленнаго уже тѣста, дунганъ принялся его мять и вытягивать въ длинныя и чрезвычайно тонкія ленты. Окончивъ эту операцію, онъ спросилъ насъ:

— А сколько гязей требуется? *).

Когда мы удовлетворили его надлежащимъ отвѣтомъ, онъ быстро отмѣрялъ заказанное количество, собралъ все въ одну кучу и бросилъ въ другой большой котелъ, въ которомъ варилась баранина. Черезъ нѣсколько секундъ лапша была готова и, признаться, пришлась намъ по вкусу.

По выходѣ изъ чайхане, мы намѣревались уже вернуться домой, но вдругъ на противоположномъ концѣ базара, въ китайскомъ отдѣленіи, раздались сильнѣйшій звонъ и какой-то неопредѣленный гулъ. Мы, конечно, поспѣшили туда и увидали двухъ ламъ **) въ желтомъ облаченіи, исправно отколачивавшихъ на тамъ-тамѣ ***) при-

*) Тюбетейка—ермолка.

**) Арба—телѣга.

*) Рѣчка Кашъ—притокъ р. Или.

**) Чайхане—харчевня.

***) Замѣчаніе это относится почти ко всѣмъ городамъ Илійской долины.

*) Гязь—линейная мѣра, равняющаяся протяженію отъ середины груди до конца ручной кисти, т. е. около $1^1/_2$ аршина.

**) Ламы—буддійскіе жрецы.

***) Тамъ-тамъ—нѣчто въ родѣ большого чугуннаго таза.

зывъ къ моленію. Вскорѣ появились богомольцы и пали ницъ передъ цѣлою колекціею каменныхъ, бронзовыхъ, деревянныхъ и даже бумажныхъ бурхановъ *). По близости мы также завернули и въ небольшую христіанскую молельню, когда-то построенную католическими миссіонерами. Сама по себѣ молельня ничѣмъ не отличается,— совсѣмъ почти пустая комнатка съ простымъ деревяннымъ алтаремъ. Храмъ этотъ въ полнѣйшемъ запущеніи, такъ какъ католики туземцы,— большею частью изъ дунганъ, которыхъ едва насчитаешь теперь нѣсколько десятковъ,— постепенно забываютъ правила христіанской вѣры и одинъ за другимъ присоединяются къ буддизму.

По цѣлымъ днямъ таскаясь по городу, мы не избѣжали и знакомствъ съ туземцами. Двумъ изъ нихъ я считаю долгомъ посвятить нѣсколько строкъ, а именно татарину Али и тарачинцу Бушри-Гоупи. Первый считался въ то время однимъ изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ кульджинскихъ купцовъ. Отъ нашихъ петербургскихъ татаръ, кричащихъ по улицамъ «халатъ, халатѣсъ!» онъ ни одеждою, ни фигурою не отличался, развѣ что былъ немного представительнѣе ихъ; за то, поговоривъ съ нимъ, можно было убѣдиться въ его далеко не дюжинномъ умѣ, необыкновенной хитрости, смѣтливости и удивительномъ знаніи страны, народа и обычаевъ туземнаго населенія. Высокая, красивая и важная фигура Бушри-Гоупи была еще замѣчательнѣе. Во времена самостоятельности кульджинскаго ханства Бушри былъ любимцемъ султана и состоялъ при немъ въ качествѣ мингъ-беги **). При появленіи русскихъ, онъ явился однимъ изъ первыхъ съ изъявленіемъ покорности, за что и удостоился особеннаго отличія,— его назначили главнымъ аксакаломъ города. Эти двѣ личности частенько посѣщали мой флигель и своими интересными сообщеніями много способствовали моему ознакомленію съ краемъ. Отъ нихъ я узналъ многое о пребываніи русскихъ въ краѣ,— и къ великому моему удовольствію отзывы этихъ двухъ туземцевъ, а равно и многихъ другихъ были самые лестные и, насколько мнѣ пришлось убѣдиться, самые искренніе.

— Всѣ русскіе, между прочимъ говорили они,— обращаются съ нами по дружески, справедливо; противъ нихъ ни одной жалобы не услышите. А полковникъ для насъ положительно добрый геній... Съ дурными онъ дѣйствительно бываетъ страшно строгъ, за то съ хорошими людьми обращается какъ съ собственными дѣтьми... Прежде китайскіе чиновники грабили насъ безпощадно, высасывали послѣдніе соки; никто ни одной минуты не могъ поручиться за безопасность своей жизни и имущества....А несчастныя войны! сколько крови они стоили; сколько богатствъ уничтожили!.. Теперь Аллахъ внялъ нашимъ молитвамъ и мы отдыхаемъ вполнѣ!..

Не разъ повторялись при мнѣ эти слова.

Однажды Али озадачилъ меня слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы изъ Петербурга, поэтому, навѣрно, знаете... китайцы здѣсь ужасно важничаютъ и хвастаются, что непремѣнно отнимутъ назадъ Кульджу... Неужели это правда?.. Неужели насъ опять отдадутъ этимъ кровопійцамъ... Чѣмъ же это недоволенъ Акъ-паша? ***)

— Я человѣкъ маленькій; мнѣ это неизвѣстно», уклончиво отвѣтилъ я.

— Да знаете-ли, что будетъ съ нами, если китайцы возьмутъ насъ? задыхаясь отъ волненія, спросилъ Бушри и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — Таранчи рѣшили: въ тотъ день, когда уйдетъ изъ Кульджи послѣдній русскій солдатъ, они соберутъ свои семейства и пожитки и послѣдуютъ за русскими. А дунгане прямо объявили, что въ этотъ несчастный для всѣхъ насъ день они лучше готовы самихъ себя перерѣзать, чтобы не подвергнуться истязаніямъ китайскихъ властей.

*) Бурханъ—идолъ.
**) Мингъ-беги—тысячникъ.
***) Акъ-паша—Бѣлый Царь.

Дѣйствительно, ненависть къ китайцамъ всего населенія, не китайскаго происхожденія, не имѣетъ границъ. Впрочемъ удивляться этому не слѣдуетъ; достаточно взглянуть на способъ управленія чиновниковъ Небесной Имперіи. Вѣротерпимости никакой; повсюду взяточничество и дневной грабежъ. Власти китайскія первыя виновники ужасной анархіи, царствующей почти на всемъ протяженіи западной китайской границы. Кромѣ того главнѣйшую причину всѣхъ безпорядковъ нужно искать въ непримиримой враждѣ двухъ совершенно противоположныхъ элементовъ, что доказала исторія многихъ вѣковъ. Когда перевѣсъ былъ на сторонѣ буддистовъ, поголовная рѣзня и полнѣйшее уничтоженіе собственности постигали мусульманское населеніе; когда же правовѣрные брали верхъ, тѣ же бѣды обрушивались на китайцевъ. Китайцы посылаютъ войска (на бумагѣ чуть-ли не стотысячныя арміи) для водворенія порядка и спокойствія; но результатъ получается діаметрально противоположный: китайскіе воины только увеличиваютъ безпорядокъ. Можно безошибочно сказать, что китайское правительство не въ силахъ уничтожить это зло и если достигнетъ своей завѣтной мечты, т. е. если получитъ Кульджу, то не на долго,— удержится тамъ только тогда, когда успѣетъ вырѣзать мусульманъ до послѣдняго человѣка. Тоже слѣдуетъ предполагать и относительно Кашгара, который въ настоящее время во власти Китая. Спросимъ— на долго-ли, и поставимъ знакъ вопросительный—?

Но не одни мусульмане составляютъ опозицію: наравнѣ съ таранчами и киргизами къ китайцамъ враждебно относятся дунгане, тарангауты и другія племена. Единственно подъ управленіемъ русскихъ, которые являются между ними справедливыми и безпристрастными посредниками, всѣ эти разнородные элементы кульджинскаго населенія могутъ пребывать въ мирѣ между собою и, игнорируя другъ друга, спокойно заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ, промышленностью и торговлею.

Слѣдуя восточнымъ обычаямъ, Бушри-Бекъ *) и Али не успокоились до тѣхъ поръ, пока не получили моего обѣщанія побывать у нихъ въ гостяхъ. Оба поспѣшили устроить въ честь мою тамаши **). Соблюдая старшинство, мы посѣтили сперва аксакала.

При стеченіи многочисленной, разношерстной публики, мы были встрѣчены у воротъ хозяиномъ и его семействомъ (конечно, за исключеніемъ женскаго пола) и введены въ обширныя помѣщенія одного изъ лучшихъ загородныхъ кульджинскихъ жилищъ, гдѣ уже все было приготовлено для пріема гостей. По восточному обычаю, испортивъ себѣ предварительно апетитъ всевозможными сладостями и зеленымъ чаемъ, мы должны были, чтобы не обидѣть хозяина, отвѣдать, хотя и противъ желанія, каждаго блюда, какъ-то: сурпы ***), плова ****), кеваба *****) и многихъ другихъ,— всѣхъ перемѣнъ и не перечислишь. Затѣмъ закусивъ отличнымъ виноградомъ, который сами срывали во время прогулки по саду, и сочными дынями, по нашему выбору снятыми съ грядъ, мы расположились кейфовать на мягкихъ подушкахъ подъ тѣнистою верандою и въ тоже время развлекаться представленіемъ, которое было

*) Бушри считается княжескаго рода. Бекъ— князь.
**) Тамаша—праздникъ съ угощеніемъ.
***) Сурпа — супъ.
****) Пловъ — кушанье изъ риса.
*****) Кевабъ — рубленая баранина съ картофелемъ.

дано передъ нами на открытой площадкѣ. Подъ грустный, довольно мелодичный напѣвъ и акомпаниментъ кларнета, флейты, двухъ-струнной балалайки и бубенъ, двое таранчинцевъ исполнили свой національный танецъ, заключавшійся въ мѣрномъ притоптываніи, покачиваніи и круженіи. Одинъ изъ музыкантовъ, а именно флейщикъ, оказался бывшимъ султанскимъ казначеемъ,— важнаго сановника злодѣйка судьба (кизметъ) превратила въ бѣднаго бродячаго музыканта. Не обошлось и безъ фокусника, искусно продѣлавшаго гимнастическія и престидижитаторскія упражненія. Но это меня нисколько не занимало, такъ какъ уже успѣло прискучить во время послѣдней моей поѣздки въ Бухару; за то чрезвычайно меня забавили китайскіе музыканты и актеры, которыхъ приходилось видѣть въ первый разъ. Дикія, оригинальныя китайскія пѣсни не лишены пріятности; не смотря на ужасные дисонансы, рѣзкіе переходы изъ піаниссимо въ фортиссимо и на оборотъ, онѣ поразили мой слухъ — я невольно заслушался. Музыкантовъ смѣнили два актера, которые на маленькой площадкѣ разыграли нѣсколько сценъ изъ китайской обыденной жизни, наиболѣе комичныя. Для примѣра привожу здѣсь одну изъ нихъ.

Комедія подъ названіемъ — «Плачущая жена и раззорившійся мужъ».

Два дѣйствующихъ лица. Молодой китаецъ, костюмированный женщиною, расхаживаетъ по сценѣ, очень удачно подражая валкой и не увѣренной походкѣ китаянокъ, охорашивается, подергиваетъ платочкомъ, обмахивается вѣеромъ и писклявымъ голоскомъ въ жалобномъ напѣвѣ выражаетъ неудовольствіе на мужа за невниманіе къ красивой женщинѣ, за то, что онъ не исполняетъ ея желанія и мало заботится объ ея нарядахъ. Потомъ появляется другой актеръ, изображающій мужа. Оба приходятъ въ сильное волненіе и въ шумномъ дуэтѣ изображаютъ: жена свою горесть по случаю недостатка нарядовъ, а мужъ свой гнѣвъ на капризы жены. Дуэтъ заканчивается ужаснѣйшимъ крикомъ. Супругъ убѣгаетъ, а супруга остается плакать и сѣтовать на свою жалкую судьбу. Пока она плачетъ, вбѣгаетъ мужъ и, ломая съ отчаянія руки и страшно кривляясь, объявляетъ, что онъ окончательно раззоренъ. Китаянка мигомъ прекращаетъ слезы и соображаетъ, какъ бы уйдти отъ нищаго супруга и найдти другого по богаче. Но тутъ, точно deus ex machina, на сцену падаетъ мѣшокъ, наполненный золотыми ямбами; это должно представить кладъ, случайно найденный супругомъ. Все моментально измѣняется: мужъ гордо поднимаетъ голову и не хочетъ обращать вниманія на свою подругу жизни, а жена начинаетъ кокетничать, нѣжничать, ласкаться и убѣждать его въ своей любви и вѣрности. Парочка мирится и комедія заключается оглушительнымъ дуэтомъ и танцами довольныхъ супруговъ.

Татаринъ Али, желая перещеголять аксакала, задалъ еще болѣе блистательную тамашу, на которой было болѣе музыкантовъ, актеровъ, пѣсенниковъ, фокусниковъ, сластей и блюдъ.

Съ великимъ сожалѣніемъ покинули мы гостепріимную Кульджу и, совершивъ обратный путь опять по вышеописанному тракту, благополучно достигли алтынъ-имельской станціи. Прошли года, а воспоминанія о прекрасной и веселой Кульджѣ все еще не изгладились изъ памяти.

Какъ посмотришь на этотъ край и убѣдишься, насколько онъ поправился со времени его отпаденія отъ Китая, невольно согласишься съ мнѣніемъ дунганъ и таранчей, что процвѣтаніе его возможно только подъ русскимъ владычествомъ. Напрасно мечтаютъ китайцы о мирномъ владѣніи Кульджею въ будущемъ,— это имъ никогда не удастся, при ихъ способѣ управленія. Прежнія междоусобицы возобновятся съ большею

силою и снова потребуется наше вмѣшательство.

Отъ души желаю, чтобы горькая чаша эта миновала кульджинскій районъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный лучшей участи.

Къ рисункамъ.

«Христосъ и дочь Іаира», «Послѣ бала». Габріель Максъ, современный чешскій художникъ не мало надѣлалъ шуму въ Россіи и въ Европѣ въ прошломъ году: онъ написалъ картину, которая объѣхала всѣ европейскія столицы и вызвала самые ожесточенные споры, такъ что Макса одни называли чуть не чудотворцемъ, а другіе чуть не гаеромъ. Эта картина была «Нерукотворенный ликъ Спасителя» съ глазами, которые казались то открытыми, то закрытыми. Въ сущности, всѣ эти крайности и ожесточенныя схватки были нелѣпы: картина не имѣла ни значенія фокуса, ни значенія чуда и была не безъ достоинствъ и не безъ недостатковъ. Въ сущности о ней нечего было и говорить много, такъ какъ она была едва-ли не самымъ неудачнымъ произведеніемъ Макса, который самъ по себѣ является очень и очень крупнымъ талантомъ не только среди нашихъ собратій художниковъ-славянъ, но и среди европейскихъ художниковъ вообще. Въ картинахъ Макса почти всегда господствуетъ или грустный или мрачный характеръ, ихъ сюжеты не веселы: «Невѣста льва»— дѣвушка, убитая царемъ звѣрей; «Свѣтъ во мракѣ»—слѣпая христіанка, подающая свѣтильники входящимъ въ катакомбы; «Подкидышъ»—сестра милосердія съ ребенкомъ на рукахъ,—всѣ эти картины съ ихъ блѣдными лицами, съ ихъ невеселыми сюжетами наводятъ не на веселыя думы. Чаще всего Максъ изображаетъ на картинахъ болѣзнь и смерть: здѣсь онъ положительно является мастеромъ. Такъ мастерки написана имъ и мертвая дочь Іаира, которую воскрешаетъ Христосъ. Эта картина принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ картинъ Макса. Тяжелую драму таитъ въ себѣ и это «раздумье послѣ бала»: молодая дѣвушка возвратилась съ бала, раздѣлась и сидитъ на постели, закрывъ лицо руками,— вы видите, что это не мечты о счастьи, не воспоминанія объ удовольствіяхъ, а какое-то тяжелое сознанье недавняго паденія или боязнь за предстоящія несчастія.

Во время осады. Среди современныхъ художниковъ-баталистовъ едва-ли не одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ французскій художникъ Невилль. Его картины изъ времени войны крайне правдивы и драматичны; смотря на нихъ, чувствуешь невольный ужасъ, какъ бы принимаешь участіе въ происходящей драмѣ. Впечатлѣніе картинъ Невилля тѣмъ сильнѣе, что художникъ большею частью не ослабляетъ его, представивъ зрителю разнообразный хаосъ сраженія, но, напротивъ того, сосредоточиваетъ вниманіе зрителя на какомъ-нибудь отдѣльномъ эпизодѣ и заставляетъ васъ какъ бы пережить всѣ ужасы этого эпизода. Такова и предлагаемая его картина, на которой изображена сцена защиты въ отдѣльномъ домѣ. Эта сцена такъ жива, правдива и драматична, что дѣйствительно можетъ взволновать зрителя.

Итальянскій нищій. Это очень милый этюдъ профессора П. Чистякова, передающаго всегда прекрасно старческія черты, какъ напримѣръ въ картинахъ «Голова боярина», «Читающій старикъ» и т. д. Въ картинѣ, предлагаемой нами читателямъ въ настоящемъ нумерѣ, г-нъ Чистяковъ очень вѣрно передалъ типъ стараго итальянскаго нищаго, стоящаго съ протянутой рукой у входа въ храмъ.

Кромѣ этихъ картинъ въ настоящемъ нумерѣ читатели найдутъ двѣ иллюстраціи къ «Народамъ Россіи» С. С. Шашкова и иллюстрацію къ статьѣ «Невидимое око».

Смѣсь.

— Горящее озеро. Жители небольшого мѣстечка, близъ Баку были свидѣтелями весьма интереснаго зрѣлища. Мѣстность эта изобилуетъ нефтью, которая плаваетъ на поверхности озеръ. Явленіе это происходитъ отъ множества нефтяныхъ источниковъ, протекающихъ подъ землею. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нефть размываетъ почву подъ озерами и, будучи легче воды, всплываетъ на ея поверхность. Недавно одно изъ такихъ озеръ, довольно обширное, загорѣлось и пылало яркимъ пламенемъ, втеченіи нѣсколькихъ часовъ. Зрѣлище было очень эфектное, въ особенности ночью, когда вся окрестная мѣстность была освѣщена на далекое пространство, a giorno.

Пожаръ былъ причиненъ мальчикомъ, бросившимъ въ воду горящую головню. Хотя убытковъ отъ этого приключенія никакихъ не произошло, однако, двѣнадцатилѣтній преступникъ былъ наказанъ.

— Оригинальное средство противъ желтухи. «Fremdenblatt» передаетъ намъ слѣдующее романическое происшествіе въ духѣ нашего времени. По одной изъ берлинскихъ улицъ, проходитъ господинъ Б.; на встрѣчу ему выходитъ изъ-за угла нарядная и хорошенькая дама, которая, поровнявшись съ нимъ, вдругъ останавливается и плюетъ ему прямо въ лицо.

Б. съ изумленіемъ всматривается въ черты лица этой дамы и приходитъ къ убѣжденію, что до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчался съ нею. Начинается объясненіе:

— Вы сейчасъ послѣдуете за мною въ участокъ, сударыня, я не намѣренъ оставлять безъ послѣдствій такое оскорбленіе. Надѣюсь, что эти господа не откажутся служить мнѣ свидѣтелями, обращается онъ къ собравшейся вокругъ нихъ толпѣ.

Дама начинаетъ плакать и прерывающимся отъ рыданій голосомъ объявляетъ, что готова подвергнуться какому угодно взысканію...

— Лишь бы мнѣ только избавиться отъ моей желтухи...

— Желтухи? Какой желтухи? спрашиваетъ Б. Она вынимаетъ изъ кармана маленькую книжечку подъ заглавіемъ: «книжка симпатій» и въ назиданіе всей присутствующей публики, читаетъ слѣдующее: «первому встрѣчному мужчинѣ, который тебѣ понравится, плюнь въ лицо, и тогда болѣзнь пройдетъ черезъ 72 часа».

— Неужели, сударыня, я ужъ вамъ такъ понравился? говоритъ смущенный Б., обтирая свою бороду.

Объясненіе дамы было такъ для него лестно, что, конечно, о судебномъ преслѣдованіи нечего было и думать.

— Подземный дубовый лѣсъ. Въ окрестностяхъ Ротенбурга на Фульдѣ геологъ д-ръ Мѣста недавно открылъ подземный дубовый лѣсъ и почти на глубинѣ 7—8 футовъ подъ землею въ равнинѣ ложа рѣки. Число хорошо сохранившихся стволовъ значительно. Дерево вслѣдствіе протока воды приняло черную окраску, но при этомъ все-таки осталось здоровымъ и крѣпкимъ и представляетъ хорошій матеріалъ для рѣзчика и столяра. Величина стволовъ поразительна. Одинъ изъ нихъ, длиною въ 18 метровъ и 1,50 метра въ поперечникѣ, отправленъ на счетъ королевскаго оберъ-президентства въ геологическій музеумъ въ Берлинѣ. Лѣсъ принадлежитъ къ раннему періоду нашей земной формаціи.

— Американская шутка. Одинъ янки купилъ проѣздомъ черезъ Стонегидъ, въ Канадѣ, за десять пенсовъ пакетъ съ надписью: «Вѣрная смерть картофельнымъ жучкамъ! При этомъ никакой опасности для отравленія другихъ животныхъ, какъ это бываетъ при употребленіи французской зелени». «Способъ употребленія» гласилъ, что пакетъ долженъ быть вскрытъ передъ самымъ употребленіемъ. Глупецъ, попавшійся въ ловушку и купившій три такихъ пакета, вскрылъ ихъ и нашелъ въ каждомъ по два кусочка дерева съ надписью: «Положи жучка на одинъ кусочекъ дерева и крѣпко придави его другимъ».

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Спѣшимъ исправить вкравшуюся по оплошности переписчика ошибку. Повѣсть „Простой романъ" написана не г. Федоровымъ, а г. Северинымъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 40-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 6-го октября въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 7-го октября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 12 Октября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)